

Новые возможности анализа революций: представление базы данных революций XXI века*

Вадим Устюжанин

Младший научный сотрудник, Центр изучения стабильности и рисков,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000 Российская Федерация
E-mail: vvustiuzhanin@hse.ru

Дмитрий Семичев

Стажер-исследователь, Центр изучения стабильности и рисков,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000 Российская Федерация
E-mail: dimasemichev19@gmail.com

Леонид Гринин

Доктор философских наук, главный научный сотрудник, Центр изучения стабильности и рисков,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000 Российская Федерация
E-mail: lgrinin@mail.ru

Андрей Коротаев

Доктор исторических наук, профессор, директор, Центр изучения стабильности и рисков,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
главный научный сотрудник Института Африки РАН
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000 Российская Федерация
E-mail: akorotayev@gmail.com

Революционный процесс в XXI веке претерпел существенные изменения и при этом с дестабилизацией демократии и трансформацией миропорядка количество революционных эпизодов лишь увеличилось, приобретая новые цели и формы. В странах Глобального Юга с ростом населения на революционные протесты стали выходить миллионы людей, а на Ближнем Востоке и в Сахеле рост радикального ислама привел к кровавым исламистским вооруженным восстаниям. Существующие источники данных сфокусированы на более длительном историческом периоде, что усложняет анализ современных процессов, они имеют ряд недостатков, таких как, например, *streetlight effect*, то есть пропуск кейсов, который может исказить связанные с данными кейсами эффекты. Мы представляем собственную базу данных, описывающую успешные и неудачные революционные события с 2000 по 2024 год с их уникальными характеристиками, такими как цели, тактика, количество участников, роль военных, других государств и этнических меньшинств. В статье с примерами описываются все представленные переменные, их операционализация и процесс сбора данных, а также способы минимизации таких проблем, как *selection bias* и *description bias*. Также для валидации проводятся эмпирические тесты конвенциональных факторов возникновения, успешности революций и их последствий, что показывает соответствие результатов общей теории революций, но также дает понимание об изменении масштаба

---

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2026 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00650).

факторов и последствий. В итоге база данных расширяет возможности в сфере исследования революций, являющихся неотъемлемыми элементами меняющегося миропорядка и трансформации Мир-Системы, что может сильно повлиять на представление о революциях в дальнейшем.

Ключевые слова: революции, восстания, протесты, базы данных, Мир-Система, массовая мобилизация, смена режима

Вопреки ожиданиям многих исследователей (например: Goodwin, 2001), в XXI веке число революций не падает, а только растет: только за первую четверть XXI века можно выделить несколько революционных волн — «цветные» революции (2000–2009 гг.), «арабская весна» и ее глобальное «эхо» (2010–2014) и третья волна, пока еще не получившая своего общепризнанного названия (2018–2023?) (Голдстоун и др., 2022; Гринин, Гринин, 2022; Коротаев и др., 2017; Goldstone et al., 2022). Эта волна, очевидно, пошла на спад, однако, возможно, еще не завершилась полностью (см., например: Болданова, 2024, о революции в Бангладеш в 2024 году). За последние 10–15 лет после «арабской весны» существенно выросло количество исследований, посвященных данному явлению, во многом уделяющих внимание структурным факторам, определяющим появление, исход и последствия революционных событий. Этому способствовало и формирование нового поколения исследователей революции (Коротаев и др., 2024; Abrams, 2019; Allinson, 2019; Beck et al., 2022; Grinin, Korotayev, 2024c; Korotayev, Grinin et al., 2025; Korotayev, Ustyuzhanin et al., 2025). Также Кристофер Барри (Barrie, 2021) показывает, что исследования протестов в целом стали фокусироваться на последствиях мобилизации, а не только на ее структуре, что требует осознания событий, которые ведут к смене режима и его дальнейшей трансформации. Это потребовало нового осмысления такого важного события, как «революция», что во многом стало возможным благодаря выходу кросс-национальной базы данных *Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes (NAVCO)* (Chenoweth, Lewis, 2013), при помощи которой авторы пытались подтвердить (или опровергнуть) важные гипотезы, а также изменить подход к трактовке революций, частично их причин и последствий.

В этой связи очень важно отметить, что база данных NAVCO, у которой есть несколько версий и которая периодически обновляется, не совсем применима для исследования революций. В первую очередь это связано с тем, что она включает в себя «максималистские кампании», а не революции. Авторы много раз отмечали, что почти все «кампании» являются революциями, однако это пересечение не полное, что ставит под сомнение предыдущие «революционные» исследования, использующие NAVCO, из-за проблемы отбора (*selection bias*) и описания эпизодов (*description bias*), и, как следствие, невозможности полной экстраполяции таких результатов на революции. Анализ революций, а не кампаний позволяет нам более четко установить временные рамки и категорировать события, которые непосредственно связаны с попыткой неинституционального свержения власти.

Во-вторых, проблема отбора усугубляется тем, что было названо *streetlight effect* — включением в базу преимущественно успешных кейсов, тогда как неуспешные революционные события, несущие в себе важную информацию, не учитывались (Dworschak, 2023). При этом надо отметить, что смешение протестных (не всегда революционных) кампаний и революций частично можно объяснить распространением ненасильственных форм революций. Например, Дж. Голдстоун и Д. Риттер (Goldstone, 2001a; Goldstone, Ritter, 2019) говорят о парадоксе конвергенции движений и революций. Мы также писали об этом и, в частности, ввели понятие «революционное движение без революции» (Гринин, Коротаев, 2021a; Goldstone et al., 2022a, 2022b). Однако поскольку одна из причин подмены понятия революции понятием протестной (не всегда реально максималистской) кампании связана с попытками просто сместить дискурс исследования с революционной тематики, мы считаем это неправильным (Коротаев и др., 2025; Grinin, Korotayev, 2022), а также полностью согласны с Б. Абрамсом, что настойчивые попытки расширить «территорию тематики социального движения, чтобы включить в него революции» являются непродуктивными, поэтому теоретики революционных событий «должны помнить, что объектом революционной теории остаются собственно революции» (Abrams, 2019: 383).

Несмотря на то что база данных Марка Бейссинджера¹ гораздо ближе по использованному в ней определению революции к предложенной нами, у нее также есть свои недостатки. Прежде всего, эта база данных революций ограничивается 2014 годом и создавалась в рамках монографии, поэтому она не будет обновляться, тогда как наша база данных ежегодно обновляется и позволяет отслеживать тренды развития революционного процесса в XXI веке.

Беря во внимание недостатки базы данных NAVCO и постоянные изменения в революционном процессе, который не учитывает база данных Марка Бейссинджера, мы разработали новую кросс-национальную базу данных современных революционных событий XXI века, которая покрывает период с 2000 по 2024 год (Коротаев и др., 2024)². Насколько нам известно, это третья в мире после указанных — NAVCO (версии 2.1 [1900–2014] и 1.3 [1900–2019]) и база Марка Бейссинджера (1900–2014) (Beissinger, 2022) — база данных такого рода.

Нашей целью было создание альтернативного источника данных по революционным событиям с учетом существующей критики NAVCO и с учетом последних исследований по революциям. События анализировались, вносились, а затем верифицировались сотрудниками Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ. Мы описываем критерии отбора событий, их классификацию, а также используемые источники при составлении базы данных. В конце мы приводим несколько примеров исследований, которые можно сделать с использованием представленных данных, описываем возможности для совершенствования базы данных и связь революций с трансформацией Мир-Системы.

1. Опубликована в виде онлайн-приложения (<https://mbeissinger.scholar.princeton.edu/revolutionary-episodes-dataset>) к монографии *The Revolutionary City* (Beissinger, 2022).

2. Размещена в сети Интернет по адресу https://social.hse.ru/mr/rev_bd.

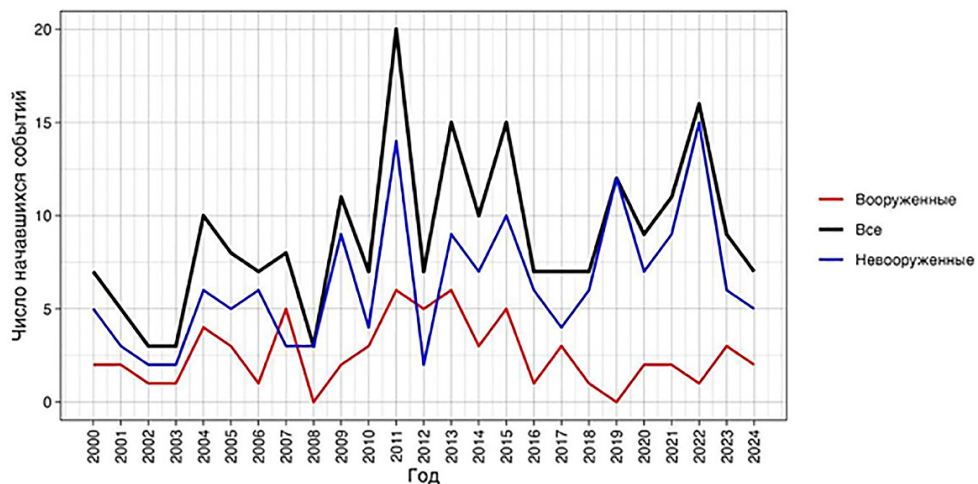

Рис. 1. Число начавшихся революционных событий по году начала

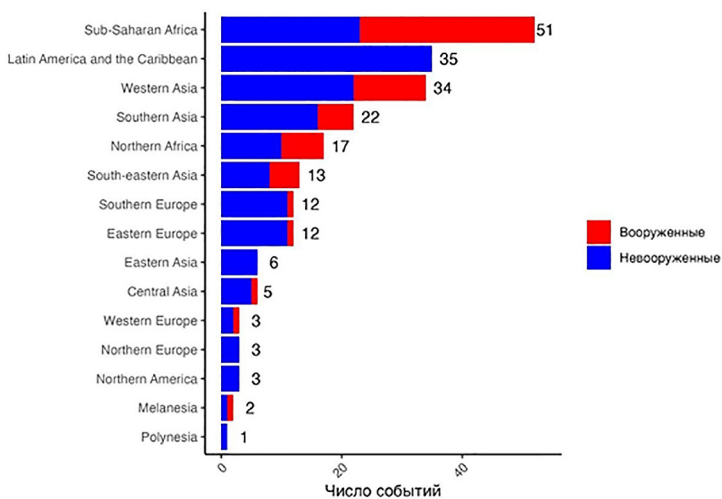

Рис. 2. Число революционных событий по региону начала

Всего база данных включает 222 революционных события. Следующие рисунки иллюстрируют революционный процесс XXI века с разделением революционных событий на вооруженные и невооруженные (рис. 1)³ и по регионам (рис. 2).

3. Про классификацию революционных событий на вооруженные и невооруженные см. в следующем разделе.

Определение революции и критерий отбора кейсов

В литературе есть несколько основных определений, широко используемых для определения события как революции:

Революция — это «попытка трансформировать политические институты и основы политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной массовой мобилизацией и неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую структуру власти» (Goldstone, 2001a: 142).

Революция — это «массовая осада установленного правительства его собственным населением с целью смещения действующего режима и существенного изменения политического или социального порядка» (Beissinger, 2022: 3).

Революция — это «коллективная мобилизация, которая стремится быстро и насильственно свергнуть существующий режим с целью преобразования политических, экономических и символических отношений» (Lawson, 2019: 5).

Революция — это «антиправительственные (очень часто противозаконные) массовые акции (массовая мобилизация) с целью: 1) свержения или замены в течение определенного времени существующего правительства; 2) захвата власти или обеспечения условий для прихода к власти; 3) существенного изменения режима, социальных или политических институтов» (Голдстоун, Гринин, Коротаев, 2022: 50–51).

Отметим, что, например, восстания радикальных исламистов в Сирии и Ираке очень хорошо соответствуют всем вышеупомянутым критериям революционных событий. Они сопровождались весьма существенной формальной и неформальной массовой мобилизацией и явно пытались быстро и насильственно свергнуть существующие режимы. Эти события были нацелены на значительные изменения режима, социальных и политических институтов. Здесь важно помнить, что большинство современных гражданских войн мы вполне можем называть революциями, так как они нацелены на трансформацию государства, а не просто являются борьбой за власть. В свою очередь, гражданские войны в Древнем Риме, большая часть из которых не ставила перед собой целью изменить тип режима, но при этом отличалась существенной мобилизацией, революциями назвать нельзя. Наконец, отметим, что революции не обязательно должны быть привлекательными; иногда они воспринимаются скорее как негативные события (один вполне очевидный пример — это революция красных кхмеров во главе с Пол Потом в Камбодже).

Также стоит обратить внимание, что представленные выше критерии определения события как революции не подразумевают, что события должны быть обязательно насильственными или успешными. Яркий недавний пример — белорусская революция 2020–2021 годов, которая была одновременно и явно ненасильственной, и явно неудачной. Но она также идеально подходит под указанные выше критерии революции, как и ненасильственные и успешные бархатные революции в Чехословакии (1989) и Армении (2018) или как очень жестокая и успешная исламистская революция во главе с «Талибаном» в Афганистане.

От революционных событий в нашей базе мы (подобно М. Бейссинджеру) стремились отделять так называемые «квазиреволюционные эпизоды». Действительно, революция подразумевает «решимость и приверженность к принудительному изменению режима, что отличает революцию от квазиреволюционных протестов (таких как эпизодические массовые акции, формулирующие требования об отставке лидера)» (Beissinger, 2022: 26).

Классификация кейсов

Все события в базе данных разделяются на:

- 1) Революции при однозначном соответствии двум вышеупомянутым критериям. Первый — это массовая мобилизация. Включены только те события, которые включают не менее 1000 участников (такой же критерий используется как в NAVCO, так и в базе данных Бейссинджера)⁴. Второй — это должна быть попытка свержения или смены существующего правительства неинституциональными методами.
- 2) «Революции с неполными характеристиками» при сомнениях с однозначной классификацией — в данном случае революционное событие может не соответствовать одному из вышеупомянутых критериев. Чаще всего это неоднозначность того, являются ли действия попыткой свергнуть власть или просто повлиять на нее, заставляя протестами или вооруженным сопротивлением решить какую-то проблемы. Примером являются протесты из-за обвинений в фальсификации результатов выборов в Азербайджане в 2005 году, когда 15 тысяч человек вышли на улицы Баку, однако их действия ограничились мирными шествиями без достаточно радикальных требований.

Также в базу данных включены ряд квазиреволюционных эпизодов (15% эпизодов), которые, во-первых, необходимы для включения событий, которые многие называют попытками революции, однако они таковыми, возможно, не являются, и, во-вторых, данные события в дальнейшем могут быть использованы для проверки надежности результатов статического анализа. Примерами квазиреволюционных эпизодов, по всей видимости, можно назвать движения Бериш в Малайзии, «Индигнадос» (15М) в Испании или «Оккупируй Уолл-стрит» в США, так как, несмотря на свой масштаб, протесты не ставили целью изменения действующего режима, только изменения определенных политик. Квазиреволюционные эпизоды имеют значение «1» только в категории all, «революции под вопросом» имеют единицы в all и одноименной категории, а революциям, соответственно, присвоены «1» в категории «революции» и двух других. Важно сказать, что практически все

---

4. В будущем стоит подумать о повышении порога для невооруженных выступлений, при этом оставив неизменным для вооруженных революционных событий, так как для вооруженных революционных выступлений 1000 человек — это серьезная сила.

переменные, так же как и соответствие критериям революции, являются бинарными (0 и 1).

У каждого события есть свой уникальный номер, страна (и ее ISO3C код), регион, в котором она находится, а также название события. В базе данных есть дата начала и завершения события: они определяются со дня первого эпизода мобилизации, в котором приняли более 1000 участников и были предприняты попытки свергнуть или заменить существующее правительство неинституциональными методами, и по день, когда протестующие/восставшие достигли установленных целей (или были побеждены/объявили о невозможности их достигнуть) или стороны пришли к определенному соглашению. При невозможности определить конкретный день начала или завершения революционного события ставится первый день месяца или года. В революции 2022 года в Шри-Ланке (также известной как Арагалайя) протесты начались 15 марта, когда десятки тысяч сторонников крупнейшей оппозиционной партии организовано вышли на протесты, требуя отставки президента, и завершились 15 июня после отставки президента (протесты меньшего масштаба продолжались, однако основная цель была достигнута). Однако важно отметить, что поскольку при отсутствии крупных событий, меняющих ход событий и провоцирующих внимание медиа, информации о протестах становится все меньше (Hellmeier et al., 2018), это усложняет установку конкретной даты завершения революционного эпизода в случае его неудачи (в определенных случаях нам удастся установить только месяц завершения). В отличие от базы данных NAVCO, которая фокусируется на кампаниях, показывая, что «кампания» против Хосни Мубарака в Египте началось еще в 2007 году, мы берем за дату начала 25 января, когда сотни тысяч человек собрались на площади Аль-Тахрир, стремясь свергнуть действующий режим.

Революционные события делятся по результату на успешные, ограниченно успешные и неудавшиеся/неудачные. Успех революции означает полное достижение восставшими основных установленных целей со свержением существующего правительства неинституциональными методами, как, например, наблюдалось в Кыргызстане в 2005, 2010 и 2020 годах, когда президенты Акаев, Бакиев и Жээнбеков были отстранены от власти в результате давления протестующих и новые президенты были избраны в результате возникшего вакуума власти. Свержение власти может проходить и более жестким образом, скажем, через арест лидера государства революционерами, как в Кот д'Ивуаре в 2011 году, или путем вынуждения лидера покинуть страну из-за страха перед протестующими или повстанцами, как в 2024 году произошло в Бангладеш и Сирии, либо даже путем убийства прежнего лидера (случай Каддафи в Ливии).

Ограниченный успех наблюдается, когда делаются некоторые уступки по отношению к восставшим при провале свержения существующего правительства неинституциональными методами. Такими уступками могут быть изменение конституции государства, как после протестов в Марокко в 2011–2012 годах или в Чили в 2019-м, или перемирие сторон с заморозкой конфликта, как в гражданской

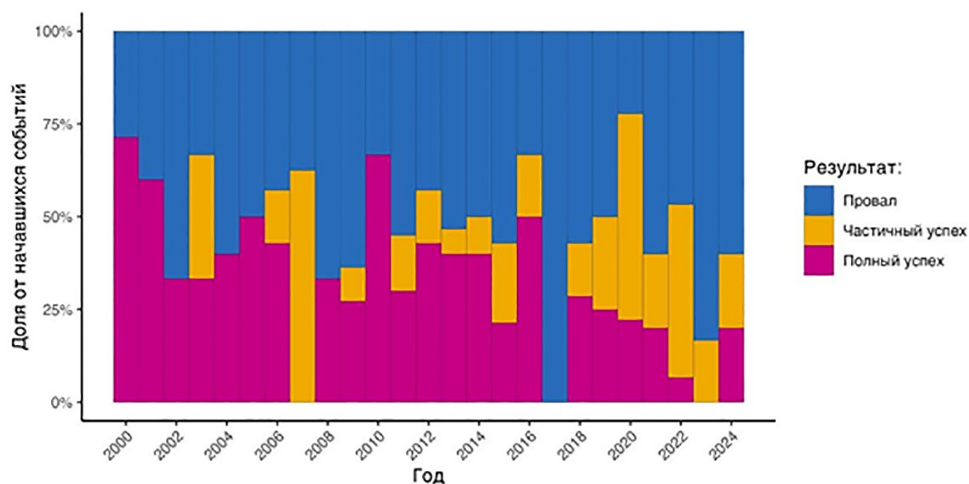

Рис. 3. Распределение революционных событий XXI века по результату и году начала

войне в Ливии с 2014-го по 2020-й, или отставка определенных чиновников и проведение масштабных реформ, как в Колумбии в 2021 году.

Неудавшаяся революция (мы пишем это в следующем абзаце, опираясь на график) — это обычно сохранение статус-кво. Чаще всего протесты подавляются силой, несмотря на массовость мобилизации, как это происходило в Иране и Венесуэле, когда на улицы городов страны выходили сотни тысяч протестующих, но действующая власть сохраняла свои позиции на протяжении нескольких волн революционных протестов. В определенных случаях борьба с революционерами приводит к капитуляции оппонентов режима, что, естественно, ведет к завершению восстания (именно так завершилось Албанское восстание в Македонии в 2001 году).

В нашей базе данных мы фиксируем непосредственный успех/неудачу революционных выступлений, тогда как многие исследования фокусируются на дальнейшем изменении режима в соответствующих странах (Kim, 2017; Dahlum, 2023). На рисунке 3 представлено распределение всех начавшихся в XXI веке революционных событий по степени успеха и году начала. Видно, что приблизительно половина всех революций XXI века не достигала частичного или полного успеха. При этом интересно, что в последние годы падает доля полностью успешных событий, и революционеры вместо этого достигают лишь частичного успеха (а чаще всего — не достигают ничего).

Как можно было заметить на примерах исходов революций, гражданские войны имеют определенные отличия от массовых протестов, которые необходимо учитывать при анализе. В базе данных революции делятся по типу тактики на вооруженные (с использованием огнестрельного фабрично произведенного оружия) и невооруженные (с использованием методов как ненасильственного, так и в какой-то

степени насильственного гражданского сопротивления, но с применением лишь импровизированного оружия (камней, палок, «коктейлей Молотова» и др.)), что позволяет нам более четко разграничивать конфликты, в отличие от деления на насильственные и ненасильственные, так как насилие в той или иной форме свойственно практически любой попытке свержения власти, в том числе и таким революционным событиям, которые Э. Ченовет и ее коллеги (см., например: Chenoweth, Stephan, 2011; Chenoweth, Shay, 2020a, 2020b) предпочитают называть «ненасильственными» (о наличии вполне выраженного вооруженного насилия в большинстве так называемых «ненасильственных максималистских кампаний» см., например: Kadivar, Ketchley, 2018). Используемая нами классификация дает возможность избавиться от детерминизма «вооруженного сопротивления» как способа борьбы с диктатурами (Sharp, 1973), которое лежит в основе базы данных NAVCO. Это приводит к тому, что не имеющие к настоящей попытке смены власти действия принимаются за попытку свержения действующего режима. К тому же, поскольку мы изучаем революции, а не инструменты борьбы с диктатурой, мы считаем, что предложенная нами рамка помогает более корректно определить тактики революционных выступлений, учитывая практически полную неизбежность насилия в революциях. Приводя примеры вооруженных восстаний, мы можем назвать конфликты в Дарфуре и Южном Кордофана в Судане или восстание хуситов в Йемене. В свою очередь, к вооруженным эпизодам относится революция 25 января в Египте, революция «зонтиков» в Гонконге и протесты в Беларуси в 2006-м и в 2020-м. Во всех этих эпизодах большая часть людей протестовала мирно, однако эпизоды насилия между протестующими и полицией были практически неизбежны⁵.

Дальше революционные эпизоды делятся по целям, которые заявляются участниками революционных выступлений в их собственных требованиях. Наиболее распространенной и очевидной целью является частичное или полное изменение режима (более 80% кейсов), так как данная цель чаще всего стоит в качестве основного требования революции, как это было заявлено нами ранее. Случаи требования отделения, расширения прав, автономии той или иной территории/этнической группы (сепаратизм) покрывают 20% остальных эпизодов, где, по сути, изменением режима является создание нового государства⁶, исключая его (полностью или частично) из существующего режима, ярким примером чего являются революционные выступления за независимость Курдистана в Турции, Сирии, Иране и Ираке⁷.

Целью революции может быть попытка демократизации государства через получение власти путем вооруженного или вооруженного восстания, когда легальная

---

5. В дальнейшем имеет смысл сделать деление как минимум на три категории — (1) вооруженные революционные выступления, (2) вооруженные выступления с заметным применением насильственных методов, (3) ненасильственные революционные выступления.

6. Или создание/расширение прав автономного образования в рамках данного государства.

7. В национально-сепаратистские революции также включаются ирредентистские конфликты, то есть нацеленные на воссоединение с нацией, проживающей в другом государстве. Ирредентистские революции не выделены в отдельную категорию в связи с их малочисленностью в XXI веке.

смена власти не представляется возможной для оппозиции. Поэтому такой тип революции можно рассматривать в качестве разновидности революций, направленных на изменение режима. Такие революции часто бывают вызваны фальсификацией выборов, как в Молдове в 2009 году, попыткой переизбрания действующего лидера на третий или четвертый срок, как в Буркина-Фасо в 2014 году или в Никарагуа и Боливии в 2018 году, или при утрате авторитарным режимом легитимности, чем и объясняют начало «арабской весны» в Тунисе и Египте и «арабской весны» 2.0 в Алжире и Судане. Такие революции мы обозначаем как «демократические»; к ним относится более 70% революций XXI века. Однако долгий упадок управления и институтов не обязательно приводит к запросу на демократию — он приводит к тому, что мы называем «социальными» революциями, которые нацелены на борьбу с социальным неравенством и несправедливостью. В данном случае главной задачей выступает радикальное изменение системы социального благосостояния, а политические, демократические, законодательные и другие цели оказываются лишь инструментом для разрешения социальных проблем. Важно отметить, что данную разновидность революций не стоит путать с тем, что называла социальными революциями Теда Скочпол (Skocpol, 1979), которая этим термином обозначала полную трансформацию природы и структуры общества через создание новой системы управления, изменение классово-структурной и отношений собственности. Яркими примерами социальных революций в нашем понимании являются протесты против приватизации месторождений газа в Боливии с 2003 по 2006 год или протесты в Эквадоре против реформ правительства Рафаэля Корреа и против изменения законов о налогах и наследовании в 2015 году, а из последних событий необходимо упомянуть революцию поколения Z в Бангладеш, которая произошла в первую очередь из-за снижения квот на государственные должности, что стало существенной проблемой в связи с высоким уровнем безработицы в стране.

Особым типом революций являются исламистские, распространившиеся в XXI веке на фоне роста радикально-фундаменталистских настроений среди мусульман и особенно под влиянием таких организаций, как Исламское государство⁸ (ИГИЛ), «Аль-Каида»⁹ и другие, которые активно создавали революционно-террористические ячейки на территории государств Ближнего Востока, Северной Африки и Африки южнее Сахары. Целью такого рода революций является тотальное изменение уклада общества, а не только изменение режима. Они добиваются построения исламского государства, основанного на законах шариата, то есть перестроить социальные, семейные, юридические, хозяйственные и иные отношения (Filin et al., 2022).

Однако не все цели революционеров возможно соотнести с одной из вышеперечисленных. Такие революции мы относим к категории «другое». Например, подобными революционными эпизодами можно считать протесты против исламизации власти в Тунисе в 2013 году или попытку монархистской революции

8. Деятельность ИГИЛ на территории РФ признана террористической и запрещена.

9. Деятельность «Аль-Каиды» на территории РФ признана террористической и запрещена.

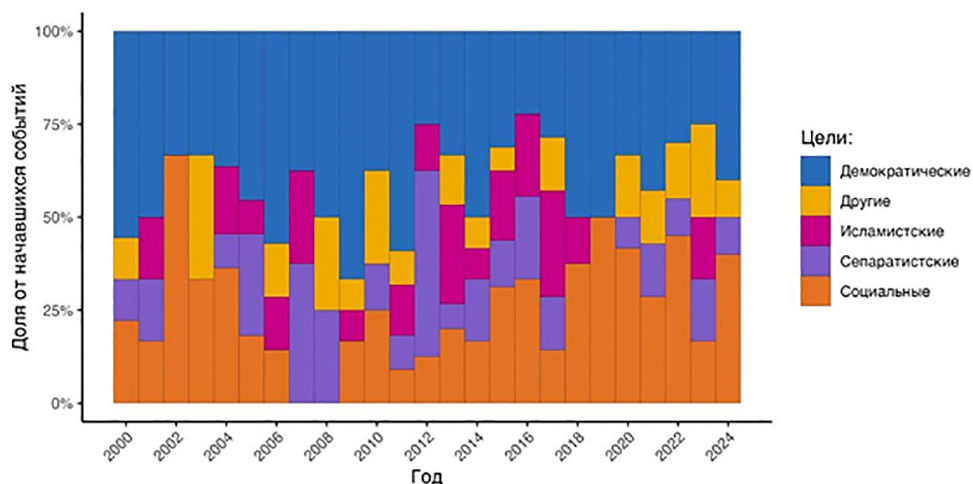

Рис. 4. Распределение эпизодов по цели и году начала

в Непале в 2023 году. По сути, здесь мы говорим об антиисламистской и промонархической революциях соответственно, в них целью является борьба с другими, более распространенными направлениями изменения общества (в какой-то степени оба кейса контрреволюционны). Эти и другие достаточно неконвенциональные цели не являются достаточно распространенными для того, чтобы имело смысл создавать под них обобщенные категории; а категория «другое» помогает нам оценить новые витки в революционном процессе, трансформирующие его.

На рисунке 4 представлено распределение всех начавшихся эпизодов по целям и году начала. Видно, что наиболее распространенными целями революционеров остаются демократизация и решение социальных проблем. При этом стоит заметить, что в последние годы доля социальных революций постепенно растет, а демократических, наоборот, падает. В свою очередь, доли исламистских и сепаратистских революций в целом остаются на одном и том же относительно низком уровне; так в определенные года не начиналось ни одного эпизода подобной направленности.

Далее рассматриваются характеристики революций, связанные с влиянием военных и внешних сил на революции, оценивается количество участников и их принадлежность к определенной этнической группе.

В исследовании революций часто недостаточное внимание уделяется военным¹⁰ и их вовлеченности в протесты (Baranu, 2016). Двумя типами вовлечения военных в смену власти являются проявления нелояльности и военный переворот, и хоть перевороты стали менее распространенными после 80-х годов XX века, участие

10. В данном случае в термин «военные» также включаются силовые структуры и полиция, как это часто и делается в исследованиях. Их структура и формы участия могут отличаться, однако в нашей базе данных мы их обобщаем, так как нашей целью не является изучение различной реакции военных, сил безопасности и полиции (что, конечно, также заслуживает серьезного внимания).

военных остается ключевым способом стабилизации страны при борьбе с революциями (Croissant et al., 2018). Особый тип революций, который мы выделяем и который стал особо актуальным после «арабской весны», — куволуция, когда революционная массовая мобилизация на первой фазе сопровождается военным переворотом на втором этапе революционного процесса (Коротаяев, Лиокумович и др., 2021: 338; Korotayev, Khokhlova, 2022: 201); такого рода военный переворот иногда (и довольно удачно) называют «эндшпильным» (*endgame coup* (Koehler, Albrecht, 2021)). В итоге к власти, воспользовавшись расколом в элитах (или даже создав его), приходит группа военных, которая нередко выполняет многие из требований фазы массовой мобилизации (Файн, 2023; Коротаяев, Зинькина и др., 2021; Коротаяев, Бобарыкина и др., 2021). В последнее время такие события происходят в первую очередь в странах Африки южнее Сахары (прежде всего в Сахеле), где в целом высока концентрация военных переворотов (Шишкина, Файн, 2022; Fain et al., 2024; Korotayev, Issaev et al., 2024).

Также в базе данных присутствует переменная, отвечающая за проявления нелояльности военными, выражаемые посредством перехода на другую сторону, прямого отказа от поддержки режима, через поддержку оппозиции и отказ выполнять приказы политического руководства, командования вооруженных сил и/или сил безопасности (Dahl et al., 2026), что также оказывается исключительно важным фактором успеха революций (в особенности невооруженных), согласно различным исследованиям (Ижогин, Коротаяев, 2025; Chenoweth, Stephan, 2008; Cebul, Grewal, 2022; Kalin et al., 2022). В зависимости от типа проявления нелояльности, переход на сторону революционной оппозиции может происходить под командованием высокопоставленных руководителей военных/сил безопасности или без их согласия. Мы не считаем уклонение от службы или отказ покидать казармы такого рода нелояльностью, поскольку ее трудно отследить, и в подобных случаях она обычно не бывает массовой. Для победы революционного выступления несопротивление или поддержка революционеров военными и/или силами безопасности должны быть широко распространены и иметь место в районах, значимых для революции. Ключевым отличием от куволуции здесь является то, что в случае проявления нелояльности к власти приходят не военные, а сами революционеры, которым военные оказали поддержку. Таким образом, армия играет роль третьего действующего лица в революционном процессе, усложняя его тем, что заставляет как революционеров, так и силы режима стремиться привлечь силовые структуры на свою сторону (Файн, 2023; Korotayev, Fain et al., 2025), и тем самым претендуя на монополию на насилие.

Важный элемент базы данных — учет числа участников по минимальной и максимальной оценке, так как количество участников есть значимый предиктор успеха революционного события (Chenoweth, Stephan, 2011; Gleditsch et al., 2021; Gleditsch et al., 2022), в первую очередь расширяя социальную коалицию, что также способствует успеху революций, в особенности демократических (Dahlum, 2023). Марк Бейссинджер (Beissinger, 2022) отмечает, что очень часто мы не можем достаточно точно установить число участников революционных выступлений, так как оценки очень отличаются у разных источников и в разные периоды. Для того чтобы зафиксировать среднее

число участников, мы берем минимальную и максимальную их оценку в протестах на пике, чтобы подсчитать среднее значение. Это число может быть неточным, однако помогает определить порядок числа участников, что дает нам возможность использовать число участников в анализе, а также определить точность существующих оценок. Оценки делаются по открытым источникам, где журналисты или медиа представляют свои подсчеты численности толпы на улицах городов или членов вооруженной группировки. Так, по оценке *The Washington Post*, в бархатной революции в Армении 2018 года приняли участие 150 000 человек, которые в один из дней вышли на улицы Еревана (Ferris-Rotman, 2018), тогда как *The Economist* (2018) пишет о 250 000 протестующих. Если у нас есть лишь одна точная оценка, то мы фиксируем одно и то же значение в таблице. Не во всех эпизодах есть информация о числе участников, в таком случае мы выводим значения, опираясь на порядки числа участников и на тактику революции, фиксируя число участников следующим образом (см. табл. 1).

Революции, в особенности «цветные», зачастую связанные с результатами выборов, обычно характеризуются выраженной поддержкой извне. Исследования

Таблица 1. Схема фиксирования числа участников

	Минимальная оценка	Максимальная оценка
Тысячи протестующих	5000	15 000
Десятки тысяч протестующих	20 000	50 000
Сотни тысяч протестующих	150 000	400 000
Количество инсургентов во время вооруженной революции	1000	5000

доказывают, что революционные выступления, имеющие внешнюю поддержку, имеют большую вероятность достигнуть своих целей (Chenoweth, Stephan, 2008; Kirisci, Demirhan, 2021; Kalin et al., 2022), и эта характеристика обязательно учитывается в нашей базе данных.

Последняя переменная — «этническая» компонента протеста. Этнические революции определяются тем, что большинство революционеров принадлежат к одной этнической группе в многонациональной стране, что во многих случаях увеличивает риск эскалации вооруженных конфликтов в вооруженные (Pischedda, 2020; Mustasilta, Svensson, 2023). Чаще всего такие конфликты оказываются вооруженными и сепаратистскими, например, такие как туарегские восстания в Мали, однако они могут протекать и в невооруженной форме, как в испанской Каталонии.

Вышеперечисленные переменные могут быть суммированы в следующей таблице (см. табл. 2).

Данные переменные позволяют нам описать различные аспекты революций, от целей до вмешательства внешних акторов. Мы можем заключить, что кратко-

срочные невооруженные демократические революции преобладают в XXI веке (более 60%), однако когда мы описываем вооруженные эпизоды, их характеристики сильно отличаются и требования чаще всего сепаратистские или исламистские. В свою очередь, вмешательство военных или иных государств, хоть и часто сопоставимо с успехом, однако остается достаточно редким — дополнительные характеристики встречаются в 10–15% эпизодов. Сам по себе успех революций является не таким редким явлением, как многим кажется, — успешными и ограниченно успешными оказываются 40% и 10% эпизодов соответственно.

Таблица 2. Используемые в базе данных переменные

Категория	Название	Тип	Кодировка	Описание
Хронологические и географические характеристики	n	Число	Номер эпизода в соответствии с датой его начала	Уникальный порядковый номер, присваиваемый каждому эпизоду
	name	Текст	Текстовое название	Название эпизода, распространение в СМИ и академической литературе
	start_year	Число	Год	Год, когда произошла первая массовая мобилизация, нацеленная на свержение власти, с более чем 1000 участников
	end_year	Число	Год	Год, когда революционеры полностью или частично достигли своих целей или перестали пробовать их достичь
	start_date	Дата	День/Месяц/Год	День, когда произошла первая массовая мобилизация, нацеленная на свержение власти, с более чем 1000 участников
	end_date	Дата	День/Месяц/Год	День, когда революционеры полностью или частично достигли своих целей или перестали пробовать их достичь
	country	Текст	Официальное название страны	
	isozc	Текст	Трехзначное обозначение названия государства	Обозначение согласно Международной организации по стандартизации
	region	Текст	Регион, в котором находится государство	

Таблица 2. (Продолжение)

Категория	Название	Тип	Кодировка	Описание
Успешность	success	Бинарная	1 — достижение всех основных целей революции 0 — их частичное достижение или недостижение	Полное достижение восставшими основных установленных целей со свержением существующего правительства неинституциональными методами
	limited success	Бинарная	1 — частичное достижение целей, не связанных со сменой режима 0 — полное достижение целей или провал революции	Некоторые уступки по отношению к восставшим при провале свержения существующего правительства неинституциональными методами
	failure	Бинарная	1 — недостижение целей революции 0 — полное или частичное достижение целей революции	Сохранение статус-кво с отсутствием достижения целей революционного выступления
Тактика	armed	Бинарная	1 — вооруженная революция 0 — невооруженная революция	Вооруженное восстание, в рамках которого участники используют огнестрельное фабрично произведенное оружие для достижения поставленных целей
	unarmed	Бинарная	1 — невооруженная революция 0 — вооруженная революция	Невооруженное выступление методами гражданского сопротивления с возможным использованием импровизированного оружия (камней, палок, «коктейлей Молотова» и др.) для достижения поставленных целей

Таблица 2. (Продолжение)

Категория	Название	Тип	Кодировка	Описание
Цель	regime_change	Бинарная	1 — целью является изменение режима в государстве 0 — данная цель не ставится	Революционеры заявляют, что их главная цель — кардинально изменить институты и политический ландшафт. Эта категория включает дополнительную классификацию в виде следующих переменных: исламистский, демократический
	democratic	Бинарная	1 — целью является демократический транзит 0 — данная цель не ставится	Революционеры заявляют, что их цель — сменить режим на более демократический. Таким образом, эта переменная может быть равна 1, только если regime_change = 1
	social	Бинарная	1 — целью является радикальное изменение системы социального благосостояния 0 — данная цель не ставится	Социальная, т.е. направленная прежде всего на решение проблем социальной несправедливости, а демократические, политические, правовые и иные преобразования являются лишь инструментом решения этой главной задачи
	separatism	Бинарная	1 — целью является приобретение независимости/автономии 0 — данная цель не ставится	Целью революционеров было обрести независимость/автономию
	islamist	Бинарная	1 — целью является создание исламского государства 0 — данная цель не ставится	Революционеры заявляют, что их цель — сменить режим на исламское государство. Таким образом, эта переменная может быть 1, только если regime_change = 1
	other	Бинарная	1 — цель не относится к вышеупомянутой классификации 0 — все цели можно описать, используя вышеупомянутую классификацию	Цель революционеров нельзя классифицировать как демократическую/социальную/исламистскую/сепаратистскую. Однако другие цели могут пересекаться с вышеупомянутыми

Таблица 2. (Продолжение)

Категория	Название	Тип	Кодировка	Описание
Дополнительные характеристики	coupvolution	Бинарная	1 — революция завершается переворотом и может быть охарактеризована как куволуция 0 — куволуция не произошла	Революционная массовая мобилизация на первом этапе сопровождается государственным переворотом на втором этапе революционного процесса; в ходе этого переворота реализуются многие требования участников первого этапа
	military_defection	Бинарная	1 — наличие проявления нелояльности со стороны военных 0 — отсутствие проявления нелояльности	Поддержка революционеров со стороны военных или сил безопасности, выраженная в переходе на их сторону, в прямом отказе от поддержки режима, поддержке оппозиции и отказе выполнять приказы политического руководства/руководства военных и/или сил безопасности
	part_on_peak_low	Число	Приблизительное количество участников по наименьшей оценке в пиковый момент	
	part_on_peak_high	Число	Приблизительное количество участников по наибольшей оценке в пиковый момент	
	foreign_support	Бинарная	1 — наличие внешней поддержки революционеров 0 — отсутствие внешней поддержки революционеров	Внешняя поддержка революционеров должна выражаться не только в заявлениях лидеров иностранных государств, а в отправке войск, финансовой поддержке, поставке оружия или других формах прямой поддержки
	ethnic	Бинарная	1 — большая часть протестующих принадлежит к этническому меньшинству 0 — этническую компоненту нельзя выделить	В эпизоде большинство революционеров были представителями одного этнического меньшинства в многонациональной стране

Таблица 2. (Окончание)

Категория	Название	Тип	Кодировка	Описание
Классификация эпизода	revolution	Бинарная	1 — эпизод соответствует всем критериям революции 0 — эпизод не соответствует хотя бы одному критерию революции	В эту категорию входят чистые революции, которые соответствуют основным критериям: (1) массовая мобилизация и (2) четкие максималистские цели
	revolution_plus_question	Бинарная	1 — эпизод является революцией под вопросом 0 — эпизод однозначно является революционным или квази-революционным	В эту категорию входят революции, которые можно рассматривать и как революции, и как квазиреволюционные эпизоды
	all	Бинарная	Всегда равняется 1	В эту категорию входят все эпизоды базы данных, в том числе и квазиреволюционные эпизоды

Сбор данных

Ключевым аспектом баз данных, описывающих и классифицирующих политические события, в особенности революционные выступления, восстания и другие формы неинституционализованного политического участия, оказывается необходимость ручного кодирования, которое должна проводить команда исследователей с рецензированием кодинга коллег. Данная глава посвящена описанию проблемам *coder bias* (предвзятости кодеров) в различных его проявлениях и тому, как она нивелируется при процессе сбора данных Революционной базы данных.

Двумя основными проблемами сбора данных о революционных выступлениях и других формах массовой мобилизации, которые чаще всего берутся из средств массовой информации (СМИ), является *selection bias* (предвзятость выбора). Проблема заключается в том, что эта информация об ограниченном количестве эпизодов, отобранных на основе некоторых структурных факторов, и *description bias* (предвзятость описания) связана с журналистским стилем многих новостей, делающих акцент не на данные о событии, а на их красочное и эмоционально окрашенное описание, что может исказить информацию (Earl et al., 2004). На данный момент, с учетом развития

интернета, международные и национальные СМИ помогают анализировать крупные события в полном масштабе за счет диверсификации источников информации и возможности их сравнения, и это несмотря на существующий *english-speaking bias* (предвзятость англоязычных источников), который приводит к освещению преимущественно событий в развитых странах. Примеры исследований на постсоветском пространстве показывают, что национальные и международные СМИ достаточно эффективно приводят данные о крупных протестах (McCarthy et al., 2008; Gladun, 2020; Dollbaum, 2021), а при описании вооруженных конфликтов проблемы возникают лишь при анализе субнациональных данных, таких как количество жертв в населенных пунктах с разным уровнем покрытия сотовой связью (Weidmann, 2016), что снижает как предвзятость выбора, так и предвзятость описания. Однако для оценки качества данных необходимо применять и другие критерии, такие как *валидность данных, процесс генерирования данных и валидность конвергенции с другими источниками данных* (McMann et al., 2022). Важным аспектом нашей базы данных является бинарность большинства переменных, что снижает их комплексность и подверженность потенциальным вычислительным ошибкам, конвергенции и усреднению различных оценок (может происходить при конструировании переменных в таких базах данных, как V-Dem, которые строятся на множественных экспертных оценках (Little, Meng, 2023; Weidmann, 2023)). Но хотя введение бинарных переменных снижает предвзятость описания, однако предвзятость выбора все равно остается серьезной проблемой в базах данных конфликтов (как, например, *streetlight effect*, обнаруженный в базе данных NAVCO Кристофом Дворшаком (Dworschak, 2023)). Чтобы показать, как наша база данных избегает предвзятости, далее будет описан процесс сборки данных и его особенности, которые помогают нам снизить ошибки при составлении датасета.

Основой процесса генерирования данных стала кодировка каждого эпизода в рамках студенческих проектов в Центре изучения стабильности и рисков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», где с 2021 года в течение семи месяцев ежегодно студенты изучали и классифицировали революционные эпизоды. Результатом проекта стали описания революционных эпизодов, которые в некоторых случаях включались в ежегодный мониторинг центра. Часть эпизодов кодировалась стажерами центра, которые также предоставляли текстовое описание с источниками каждого закодированного эпизода. На первых этапах проекта эпизоды изучались ретроспективно, а затем фокус был смещен на недавние события.

Проблемой оказалось то, что в 2000-х годах цифровизация медиа еще не достигла нынешнего уровня, поэтому мы ограничены в источниках, описывающих революционные события в таких странах, как Кот д'Ивуар, Бангладеш или Чад. Поэтому мы, так же как и составители других баз данных, могли упустить какие-либо эпизоды в развивающихся странах XXI века. Более поздние эпизоды отбирались сотрудниками центра на основе данных из международных СМИ (а также с помощью платформы Google News) и аналитических центров Global

Nonviolent Action Database, Armed Conflict Location and Event Data (ACLED) и Carnegie Protest Tracker, что позволило повысить валидность контента, снижая оба типа предвзятости.

Изучались все крупные вооруженные и невооруженные события, которые могли подойти под критерии вооруженного или невооруженного революционного эпизода, а далее эпизод в подробностях разбирался студентами и стажерами центра. Для всех участников и стажеров проводились лекции о современных теориях революции, что позволяло их кодированию соответствовать концептуализации и операционализации, а также кодировочной схеме, предлагаемым в базе данных. Результаты кейс-стади обсуждались на семинарах центра и встречах участников исследовательской группы, корректировались научными сотрудниками центра для увеличения валидности и снижения предвзятости описания. Любое кодирование требовало ссылки на медиаисточник, аналитическую и академическую литературу, предоставляющую информацию о тактике, целях и результате революционного эпизода, а также его дополнительных характеристиках.

Также результаты сравнивались и в определенных случаях корректировались, основываясь на базе данных NAVCO и, позднее, на базе данных Марка Бейссинджера, описывающей революционные эпизоды, начавшиеся до 2014 года (база данных NAVCO 1.3 описывает «максималистские кампании», начавшиеся до 2019 года включительно, однако описание эпизодов в ней неполное). Поскольку данные эпизоды уже были описаны, это помогает как повысить валидность и конвергенцию данных для их дальнейшего совместного использования, так и сравнить имеющиеся представления о событиях с учетом существующих различий баз данных (как уже было сказано, база данных NAVCO описывает максималистские кампании, включающие в себя как квазиреволюционные, так и недвусмысленно революционные эпизоды).

Таким образом, несмотря на некоторые проблемы с возможной предвзятостью выбора и описания эпизодов в 2000-х, которые вызваны неполным объемом информации (что, например, снижает количество квазиреволюционных эпизодов в данный период), мы можем утверждать, что данные валидны, собраны по единой схеме и, учитывая тщательный анализ других баз данных и описанную концептуализацию и операционализацию переменных, с которой были ознакомлены кодировщики, при условии бинарности переменных эти данные достаточно конвергентны.

Чтобы подтвердить эмпирическую валидность базы данных мы показываем объяснительную и предиктивную силу наших переменных, проверяя популярные гипотезы из исследований революций, чтобы показать низкий уровень *description bias*, а также предложить возможные пути использования базы данных другими исследователями.

Сравнение с другими базами данных

Однако перед проверкой гипотез мы рассмотрим прежде всего отличия нашей базы данных от NAVCO (Chenoweth, Shay, 2013, 2022) в том числе для дальнейшего анализа отличий основанных на ней результатов исследований с моделями, которые мы строим на основе Базы данных революций XXI века.

На некоторые аспекты отличия мы уже обратили внимание, как, например, фокус в нашем случае именно на эпизодах, а не на кампаниях, ведущих к успешной или провальной попытке изменения режима. Это делается для более точного анализа временного периода, когда непосредственно предпринималась попытка смены режима в государстве путем массовой мобилизации. Ченовет и Льюис (Chenoweth, Lewis, 2013) подчеркивают, что кампании требуют организации и длительной координации, которые мы считаем необязательным критерием для революции. Бейссинджер (2022) же подчеркивает, что многие кампании являются квазиреволюционными движениями, что требует альтернативной оценки соответствующих событий, что мы и делаем с помощью своей базы данных.

Во-первых, кампании подразумевают длительную координацию движений с изначально максималистскими целями, однако часто движения не ставят целью изменение режима и революцию, а являются локальными, децентрализованными, или вовсе несколькими кампаниями, нацеленными на конкретные проблемы и реформы. «Жасминовая революция» в Тунисе, ставшая колыбелью «арабской весны», началась не с требования свержения Бен Али и демократизации государства, а с забастовок и студенческих протестов на юге страны, и лишь в последнюю неделю, после жесткого подавления протестов государством, переросла в национальное продемократическое революционное выступление (Barrie, 2025). Это показывает революцию как гетерогенный процесс, который часто возникает из нескольких движений и факторов, а не является результатом координации и продолжительной борьбы против режима.

Во-вторых, в эпоху «соединяющего действия» (*connective action*), ведущего к персонализации протестов и иных форм революционного действия (Bennett, Segerberg, 2014), определенные движения играют все меньшую роль, с одной стороны, упрощая вовлечение граждан в них и интернационализацию сопротивления, но с другой стороны, усложняя координацию участников и формулирования четких достижимых целей. Это видно на примере Революции 17 октября в Ливане в 2019 году или выступлениях в Казахстане в 2022 году, получивших название «Кровавый январь». В Ливане одним из лозунгов революции стал «Они все значит они все!» (*kullun ya `ni kullun*), требующий полной трансформации государственной системы в сторону неконфессиональной демократии в связи со структурными проблемами ливанской конфессиональной демократии. Он мобилизовал сотни тысяч недовольных граждан, обсуждавших проблемы в социальных сетях и часто не причислявших себя к какому-либо протестному движению, что также произошло в Ираке и Иране, и ни в одном из случаев не увенчалось успехом (Issaev, Korotayev, 2022). В Казахстане протесты против

режима возникли во множестве городов, распространяясь как лесной пожар недовольства общенациональными социально-экономическими проблемами и засильем клана Назарбаевых; при этом будучи достаточно децентрализованными и адаптированными под локальный контекст, они все-таки переросли в вооруженное противостояние на юге страны (Kudaibergenova, Laurelle, 2023). Таким образом, современные революции часто не объединены в кампании, а скорее являются событиями социальной дестабилизации, которые происходят из-за длительного нарастания напряжения и проблем в обществе, мобилизуя большое количество граждан из разных групп.

Другим ранее упомянутым отличием является использование вместо разделения событий на «насильственные/ненасильственные» категорий «вооруженные/невооруженные». Как уже было сказано, многие современные невооруженные революционные выступления характеризуются очень заметным использованием насилия. Ченовет и Шэй (Chenoweth, Shay, 2022) пишут о «насильственных флангах», которые присутствуют в некоторых максималистских кампаниях, однако речь у них часто идет о разных формах вооруженного насилия, которые могут сдвигать эпизод в категорию вооруженных с использованием фабричного оружия. При этом важно понимать, что данная классификация не отличается от предложенной NAVCO с практической точки зрения — в нашей базе данных события, причисленные в NAVCO к насильственным/ненасильственным, являются вооруженными/невооруженными соответственно. Но важно понимать, что использование импровизированного оружия меняет структуру взаимодействия революционеров с властью и оно практически неизбежно при насилии силовиков над протестующими, а также, как утверждают Мохаммад Али Кадивар и Найл Кетчли (Kadivar, Ketchley, 2018), не противоречит демократическим целям и дальнейшей демократизации.

Говоря о целях, мы также вводим новые категории, подчеркивающие разные аспекты смены режима, — демократические и исламистские революции радикально отличаются друг от друга по типу трансформации государства; при этом последние очень актуальны в XXI веке в связи с ростом экстремистского фундаментального ислама в мире. Помимо смены режима Ченовет и Льюис (Chenoweth, Lewis, 2013) выделяют самоопределение и борьбу с оккупацией. Мы объединяем их в единую категорию национально-сепаратистских/этносепаратистских революционных эпизодов. Таким образом, мы используем сепаратизм вместо антиколониального и идеологически окрашенного самоопределения, он связан с изменением понимания данного термина и окончания деколонизации в XXI веке (избегая также использования понятия «национально-освободительная революция»). Также мы добавляем социальные революции, чтобы выделить революционные события с требованиями социально-экономической трансформации, не ставящими в приоритет демократические или исламистские ценности, — требования трансформации режима в демократию или создание шариатского государства.

Помимо классификации эпизодов наша база данных отличается более, на наш взгляд, уместными для описания революций характеристиками и параметрами. Так, наша оценка числа участников с верхней и нижней границей помогает прово-

дять и анализ неопределенности, и использовать усредненное количество участников, которое многие СМИ, как крупные, так и локальные, могут преувеличивать. Так, NAVCO оценивает количество участников во Второй народной революции на Филиппинах 2001 года в 2 миллиона человек, тогда как мы, опираясь на репортажи *The Wall Street Journal* (2001) и *The Guardian* (Aglionby, 2001), а также информацию из статьи Бена Рейда (2001), считаем количество участников от 100 тысяч до миллиона, что свидетельствует о существенной неопределенности в оценках. Также мы используем другие даты начала и конца, которые точнее отслеживают начало именно революционного эпизода, то есть массовой мобилизации с выдвижением требований о трансформации государства или создании нового, на что и влияют режимные и структурные факторы, предсказывающие появление революций. Помимо революции в Египте, NAVCO, например, фиксирует начало «оранжевой революции» на Украине в 2001 году, хотя непосредственно революционная мобилизация началась в ноябре 2004 года после обвинения в фальсификации результатов в пользу Виктора Януковича во втором туре президентских выборов.

В свою очередь, представленная база данных во многом похожа по концептуализации событий на уже упомянутую базу данных Бейссинджера. Главные отличия — во включении большего числа эпизодов, пограничных с квазиреволюционными, что позволяет делать проверку результатов на устойчивость, большем покрытии событий XXI века (данные Бейссинджера заканчиваются 2014 годом) и постоянном обновлении данных. В таблице ниже представлено краткое сравнение описанных баз данных.

Примеры использования базы данных

Стоит выделить несколько вопросов, которыми занимаются современные исследователи революций, — анализ последствий (Celestino, Gleditsch, 2013; Braithwaite et al., 2014; Bethke, 2017; Ammons, 2024; Biglaiser et al., 2024), успеха (Ижогин, Коротаев, 2025; Chenoweth, Stephan, 2011; Dahlum, 2019; Pischedda, 2020; Kirisci, Demirhan, 2021; Dahlum, 2023), выбора тактики (Устюжанини и др., 2022; Cunningham et al., 2017; Edwards, 2021; Gleditsch et al., 2021; Cunningham, 2023; Ustyuzhanin, Korotayev, 2023) и, наконец, анализ факторов начала революций (Устюжанини и др., 2022; Butcher, Svensson, 2016; Chenoweth, Ulfelder, 2017; Gleditsch et al., 2021; Cincotta, Weber, 2021; Beissinger, 2022; Korotayev, Zhdanov et al., 2025).

Далее мы приводим примеры использования представленной базы данных, затрагивая некоторые популярные вопросы, на которые отвечают исследователи: почему начинаются революции? Почему одни революции добиваются успеха, а другие — нет? Что происходит после революции? Подобный анализ не только показывает валидность имеющейся базы данных, но также позволяет сравнить эффективность нашей базы данных в оценке современных трендов революционного процесса, что дает нам возможность сравнить их с имеющимися теоретическими выводами.

Таблица 3. Краткое сравнение описанных баз данных

	NAVCO 1.3 / 2.1	Данные М. Бейссинджера	База данных революционных событий XXI века
Временной период	1900–2019/1945–2013	1900–2014	2000–2024
Число эпизодов	622/384	345	222
Число эпизодов с 2000 года	195/136	58	222
Тип события и его определение	Максималистская кампания Кампания — это «серия наблюдаемых, непрерывных, целенаправленных массовых событий, направленных на достижение [максималистской] политической цели»	Революция «массовая осада действующего правительства его собственным населением с целью смещения действующего режима и существенного изменения политического или социального порядка»	Революция «попытка трансформировать политические институты, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и неинституционализированными действиями»
Число участников	Нет/да	Да	Да
Измерение успеха	Успех, частичный успех, провал	Успех, провал	Успех, частичный успех, провал
Цели	Изменение режима, национально-освободительные, сепаратистские, другие	Независимость, антиколониальные, социальные, конституционные/антимонархические, либеральные, исламистские, этнические	Демократические, социальные, исламистские, национально-сепаратистские, другие
Квазиреволюционные эпизоды	Присутствуют, не выделены	Выделены отдельно как эпизоды, исключенные из основного датасета	Присутствуют в основной базе данных с выделением в отдельную категорию

Пример 1: Начало революций и тип режима

Одной из тем в современной литературе по исследованию революций является определение структурных факторов, которые бы объяснили их начало, например, тип режима. Так, исследователи давно обнаружили наличие перевернутой U-образной связи между типом режима (по шкале автократия-демократия) и политической нестабильностью. Совокупность таких гипотез можно назвать, следуя за исследованием З. Джонса и Й. Лупу (Jones, Lupu, 2018), «гипотезой большего насилия в середине». Т. Гар (Gurr, 1974) был первым, кто указал на особую уязвимость «полудемократий» к внутренней дестабилизации. Впоследствии эта гипотеза была эмпирически подтверждена во многих исследованиях, основанных на количественном анализе кросс-национальных данных (Ellingsen, Gleditsch, 1997; Francisco, 1995; Muller, Weede, 1990). Более комплексные исследования (Ellingsen, 2000; Hegre et al., 2001) не только подтвердили этот результат, но и указали на связь между сменой режима в недавнем прошлом страны и политической нестабильностью. В нескольких работах также была обнаружена предрасположенность промежуточных типов режимов к гражданским войнам и политическому насилию/дестабилизации в целом (Коротаев, Гринин и др., 2017: 156–196; Gleditsch et al., 2009; Gleditsch, Hegre, 2014; Jones, Lupu, 2018; Slinko et al., 2017; Regan, Bell, 2010; Urdal, 2006). Рабочая группа по несостоятельности государства (см.: Esty et al., 1998; Goldstone et al., 2000) пришла к довольно похожим результатам: «тип режима имел удивительную U-образную связь с политическими беспорядками: демократии и автократии были достаточно стабильны; однако частичные демократии подвергались чрезвычайно высокому риску» (Goldstone, 2001b: 166). Сужая тему с влиянием типа режима на внутреннюю стабильность государства только до революций, стоит обратиться к исследованию А.В. Коротаева и коллег (Коротаев, Гринин и др., 2022; Korotayev, Zhdanov et al., 2025), где подтверждается гипотеза о наличии перевернутой U-образной связи между типом режима и рисками революционной дестабилизации. Таким образом, анократии, как правило, более уязвимы к революционной дестабилизации, чем полные автократии или полные (консолидированные) демократии.

Мы можем проверить выводы прошлых исследований, используя представленную базу данных. Нас интересует связь между типом режима и началом революции в определенный год в определенной стране. Единицей наблюдения будет страна-год, зависимой переменной — бинарный индикатор начала революции (любой), а независимой переменной — тип режима. В таком случае дизайн исследования предполагает использование панельных данных. К уже готовым панельным данным необходимо присоединить базу данных по революциям, проставив «0» для тех наблюдений, которые отсутствуют в революционной базе данных. В таблице ниже дан пример того, как могут выглядеть описанные базы данных (табл. 4). Каждая строка соответствует стране-году. Для Туниса зависимая переменная (Революция) равна 0 до 2009 года (революции не начинались), дальше равна 1 в 2010 году (началась «арабская весна»),

Таблица 4. Фрагмент базы данных

Страна	Год	Революция	Тип режима	...
...	...	...	...	...
Тунис	2008	0	Частичная автократия	...
Тунис	2009	0	Частичная автократия	...
Тунис	2010	1	Частичная автократия	...
Тунис	2011	NA	Частичная автократия	...
Тунис	2012	0	Частичная демократия	...
...	...	...	...	...

в 2011-м мы ставим пропуск, чтобы не включать это наблюдение в анализ, потому что в это время революция не началась, но она длится, а для 2012 года стоит 0, потому что нет ни начала революции, ни длящейся революции.

Для определения связи между зависимой и независимой переменными можно воспользоваться логистической регрессией, потому что революции являются бинарной переменной. Тогда по итогу анализа нас в первую очередь будут интересовать предсказанные вероятности начала революций по типу режима. Конечно, мы также включаем некоторый классический набор контрольных переменных, которые могли бы снизить проблему важных пропущенных факторов, а также увеличить точность модели. Мы используем: ВВП на душу населения, средний уровень образования в стране, численность населения в стране, производство нефти на душу населения, уровень безработицы и фиксированный эффект на регион.

На рисунке 5 представлены условные средние вероятности начала революции по типу режима. Для получения таких значений мы сначала оценили модель, потом вероятность для каждого наблюдения по четырем наборам данных, которые полностью повторяли тот, по которому производилась оценка модели, однако в каждом из них для всех наблюдений ставился только один тип режима (такой тип предсказаний называется контрфактическим). Видно, что действительно есть криволинейная связь между типом режима и риском начала революции: наименьшие риски наблюдаются по краям спектра — у полных автократий и полных/консолидированных/либеральных демократий, в то время как промежуточные режимы — частичные (электоральные) автократии и частичные (электоральные) демократии — обладают наибольшими рисками.

Те же результаты, но в дезагрегированном виде представлены на рисунке 6. Можно заметить, что риск революций довольно сильно сконцентрирован возле минимальных значений, однако в случае с электоральными автократиями и демократиями также есть довольно тяжелый правый хвост.

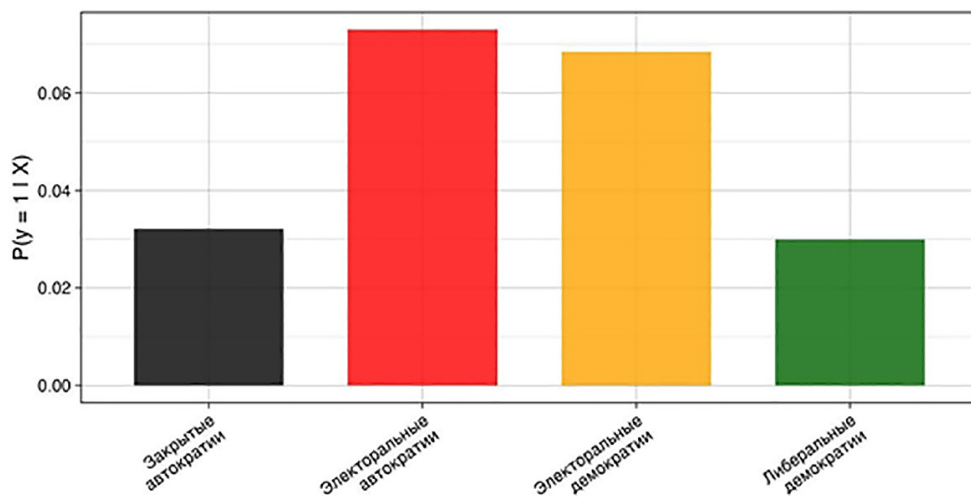

Рис. 5. Средние условные вероятности начала революции от типа режима

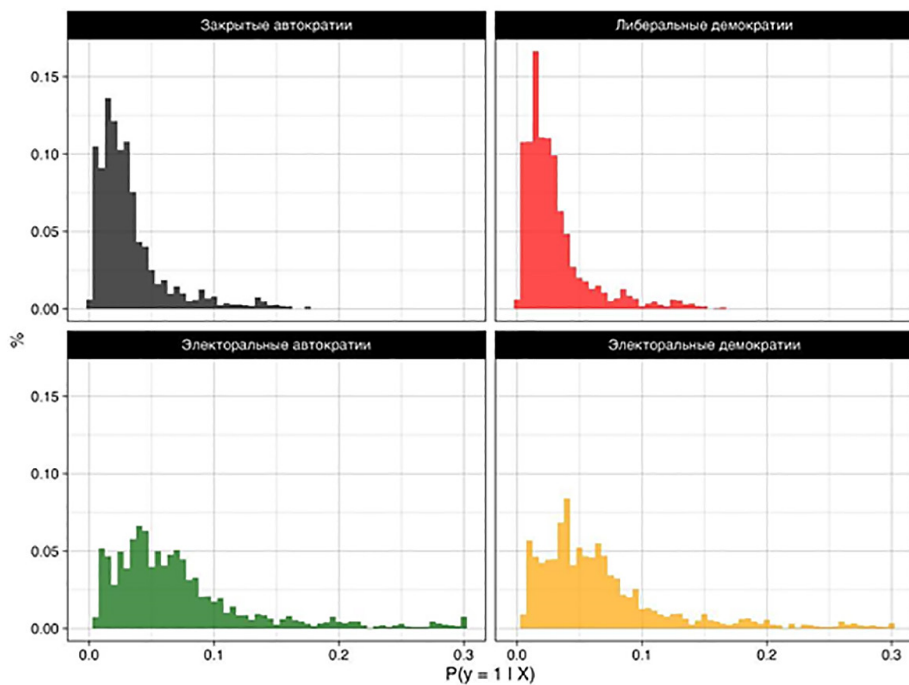

Рис. 6. Условные вероятности начала революции от типа режима

Пример 2: Успех революции и число участников

Другой не менее интересной темой являются факторы успеха революций. Пожалуй, наиболее устоявшимся результатом считается то, что чем больше людей революционерам удалось вывести на улицы, тем выше вероятность успеха (Chenoweth, Stephan, 2011). Хотя этот вывод работает для всех типов революций, особенно заметно это именно на примере невооруженных революций, где массовая мобилизация в форме протестов и забастовок является главным методом достижения успеха (Gleditsch et al., 2022).

Далее с помощью представленной базы данных мы проверяем связь между успехом революции и числом участников на пике, ограничивая выборку только до невооруженных революций, которые уже закончились. Тогда единицей наблюдения будет революция, в качестве зависимой переменной — бинарный индикатор полного успеха, а в качестве независимой — число участников на пике. Так как в базе данных нет единого показателя в виде числа участников на пике, а даны лишь нижняя и верхняя границы, мы для примера используем самую простую аналитическую стратегию — среднее этих переменных. В рамках рассматриваемой проблемы нас интересуют предсказанные вероятности успеха революции от числа участников. Для этого мы используем логистическую регрессию, куда также включаем контрольные переменные: ВВП на душу, индекс демократии, производство нефти на душу населения, уровень урбанизации и была ли цель революции демократической. Пример используемых данных для анализа представлен в таблице ниже (табл. 5).

Таблица 5. Пример используемых для анализа данных

Страна	Год	Успех	Число участников на пике (среднее)	...
...	...	...	...	...
Тунис	2010	1	300 000	...
Бахрейн	2011	0	300 000	...
Джибути	2011	0	30 000	...
Египет	2011	1	11 000 000	...
Иордания	2011	0	8000	...
...	...	...	...	...

На рисунке ниже представлены условные вероятности (полного) успеха революции в зависимости от числа участников, где оценка вариации проводилась путем непараметрического бутстрепа с 1000 выборками. Видно, что в среднем революционерам достаточно вывести на улицу около 300 тысяч человек, чтобы добиться перевеса в шансах на успех. Тем не менее стоит отметить довольно большую вариацию в представленных оценках, которая может оказаться даже заниженной из-за недоучета неопределенности в числе участников.

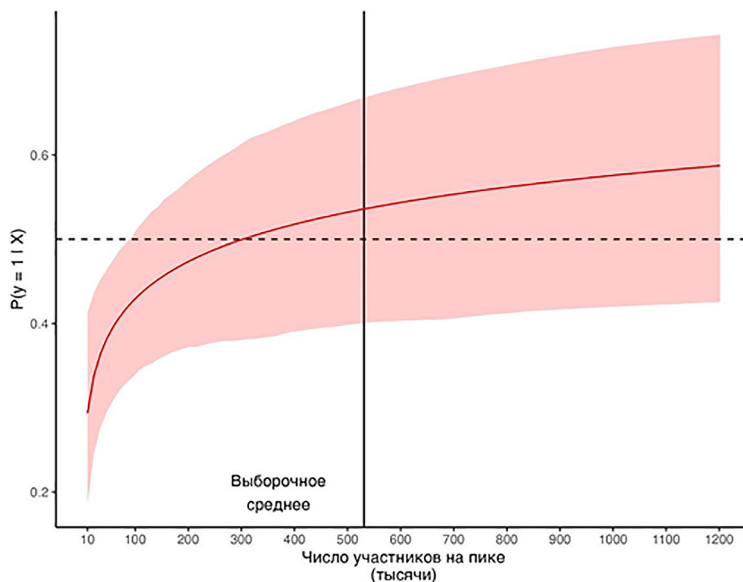

Рис. 7. Условная вероятность полного успеха революции от числа участников (в тысячах)

Пример 3: Последствия революции для типа режима

Наконец, важной областью исследований остается анализ средне- и долгосрочных последствий революций. В частности, многих авторов интересовало, а приводят ли революции к демократизации, и если да, то насколько. В настоящее время установлено, что вооруженные революции могут приводить к краткосрочной (Celestino, Gleditsch, 2013; Chenoweth, Stephan, 2011), и к долгосрочной (Kadivar, 2018) демократизации.

Здесь с помощью представленной базы данных мы реплицируем этот результат, рассмотрев эффект вооруженной успешной революции на индекс демократии в течение пяти лет после ее начала. Для этого мы используем тот же набор данных,

что использовался в первом примере, однако в данном случае зависимой переменной будет индекс демократии, а независимой — бинарный индикатор, который принимает значения 1 для начала революции и четырех лет после нее. Нули стоят во всех остальных случаях, однако мы убираем из выборки те случаи, когда в стране была неуспешная революция или вооруженная революция, чтобы в контрольную группу попали только те страны, в которых нет какой-либо революции. Для расчета эффекта мы используем метод «разность-разностей», рассчитанный через панельный мэтчинг. Идея в том, чтобы для каждой революции подобрать набор стран, в которых не было революций, но которые в среднем не отличались от страны с революцией по набору ковариат до начала революции. В качестве таких переменных мы используем индекс демократии, ВВП на душу населения, производство нефти на душу населения и средний уровень образования. Мы находим три страны для каждой революции с помощью дистанции Махаланобиса, чтобы минимизировать отличия в переменных за три года, предшествовавших революции.

На рисунке 8 представлены результаты описанного анализа. Видно, что невооруженные революции, добившиеся успеха, приводят к быстрой и значительной демократизации. Тем не менее стоит отметить, что после первоначального резкого роста есть некоторое снижение в уровне демократизации.

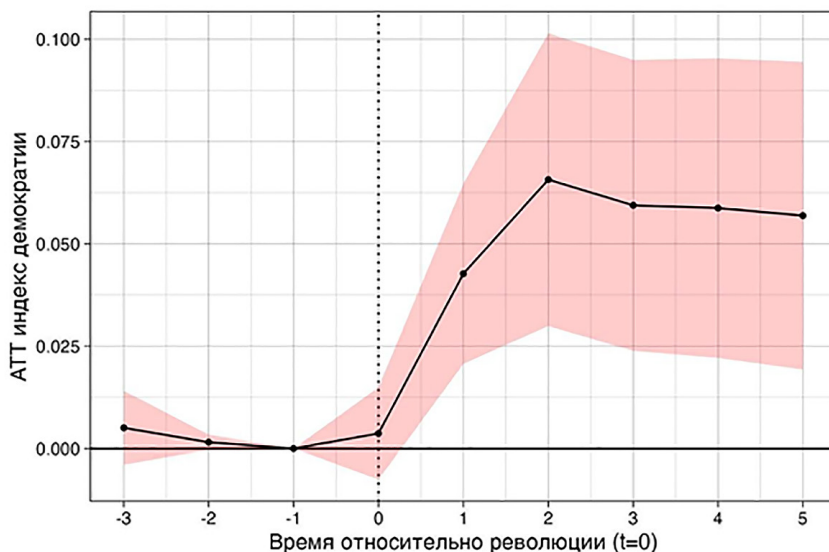

Рис. 8. Эффект успешной невооруженной революции на индекс демократии

О некоторых направлениях дальнейшего развития базы данных революционных событий

Проведенные тесты показывают валидность представленной базы данных для исследования различных явлений, связанных с революциями. Однако необходимо сказать, что у базы данных есть определенные ограничения, которые имеет смысл постараться ослабить в процессе дальнейшего ее развития.

Например, перспективным направлением дальнейшего развития нашей базы данных представляется использование более детализированной типологии революционных событий. Действительно, вышеприведенные определения революции, на которые мы опирались при подготовке нашей базы данных революционных событий, используют такую важную характеристику, как массовая мобилизация, которая предшествует революционному свержению старой власти. Однако имеются революционные события, в которых массовая мобилизация наступает после свержения старой власти. Это аналог революции (Гринин, Гринин, 2020; Голдстоун и др., 2022; Grinin L. et al., 2022). В этом случае смена правительства/президента/монарха происходит путем переворота или выборов, в результате чего появляется новый (революционно настроенный) режим, вносящий значительные изменения в политическое устройство, социальные, экономические и культурные институты, каковые изменения поддерживаются массовой мобилизацией. Примерами аналогов революций являются нацистская трансформация Германии после 1933 года, то есть после прихода Гитлера к власти путем выборов; события 1969 года в Ливии (военный переворот с последующей массовой мобилизацией) или Боливарианская революция под руководством

Таблица 6. Революции и аналоги революций: черты сходства и различия

	Революции	Аналоги революции	
		Тип I (через переворот)	Тип II (через выборы)
Черты сходства	Существенные изменения в политических и социальных структурах во имя социальной справедливости, которые происходят после смещения старого правительства		
Различия	Свержение правительства с использованием массовой мобилизации	Смена правительства при помощи переворота или выборов	
		1) Смена власти путем переворота 2) Революционная массовая мобилизация происходит после свержения старого правительства	1) Change of government through elections 2) Revolutionary mass mobilization is mostly observed at an earlier phase (that precedes the change of government)

У. Чавеса в Венесуэле (см., например: Костин, 2020). Многие революционные события, которые в научном плане надо классифицировать именно как аналоги революций, в политической терминологии порой называются именно революциями (такова и часто встречающаяся характеристика событий в Ираке 1958 года, Йемене 1962 года или Ливии 1969 года как «революций»). Поэтому необходимо различение собственно революций и их аналогов. Основные черты сходства и отличия революций и аналогов революции представлены в таблице 6.

Отметим, что аналоги революции первого типа могут рассматриваться как кулолюции второго типа (Коротаев, Аскеров и др., 2025).

Необходимо также проводить различие между *революциями* и *революционными движениями без революции* (Гринин, Коротаев, 2021а). Революционным движение называется потому, что: а) налицо массовая мобилизация; б) используются революционные методы; в) даже если требования сформулированы нечетко или ограниченно, обычно за ними стоит глубокое недовольство/разочарование в режиме, условиях жизни, перспективах и т.п.; г) обычно революционное движение в процессе расширяет свои требования. Движением без революции оно называется потому, что протестанты стремятся не к свержению режима, а к удовлетворению своих требований в рамках существующего порядка и режима, но методами, близкими к революционным и далеко не всегда легальными. Разница между *революцией* и *революционным движением без революции* может заключаться в том, что (1) революция направлена на изменение режима в течение достаточно ограниченного времени, а революционное движение может быть направлено на защиту режима (например, движение против узурпации власти, попыток нарушить конституцию, подтасовать голосование и т.п.); (2) движение направлено на удовлетворение требований, включая те или иные права, либо крупное их расширение, но без требования свержения правительства, а революция, как правило, направлена на свержение; (3) движение может быть направлено на сохранение статус-кво (например, отмену нового налога, закона и пр.), а революция — на изменения.

Трансформация мирового порядка и революции

Кризис современного мирового порядка (см. о нем: Гринин А., 2025; Гринин А. и др., 2024; Гринин Л. и др., 2024а, 2024б; Grinin, Korotayev, 2021b; Grinin et al., 2021) означает усиление не только противостояния между центрами сил в мире и конфликты, но и усиление дестабилизации. Политический и геополитический ландшафт так или иначе связан с дестабилизационными событиями (революциями, волнениями, переворотами, гражданскими войнами, политическими кризисами и т.п.). Эти события нередко являются проявлениями влияния США и других крупных держав для решения тех или иных задач и достижения тех или иных целей в рамках глобальных противостояний. Цветные революции, массовые протесты, свержения неудобных правителей или режимов теми или иными средствами

(в том числе внешне конституционными, например, импичменты в Бразилии и других странах) общеизвестны. А с другой стороны, некоторые из этих дестабилизационных событий становятся источникам и мировых потрясений, как события 2013–2014 годов на Украине.

Мы полагаем, что процесс реконфигурации Мир-Системы в итоге завершится формированием нового мирового порядка, поскольку существующий порядок с доминированием США слабеет, усиливается соперничество центров силы, формирование новых отношений. С приходом к власти администрации Трампа в 2025 году этот процесс еще более ускорился.

Мы полагаем, что наибольший вклад в трансформацию существующего мирового порядка и формирование нового мирового порядка внесут борьба и соперничество центров силы. Однако и революции второй и третьей четверти XXI столетия также окажут влияние на эти процессы. Первая четверть XXI столетия показала, что революционный процесс не только не ослаб, но вопреки многим прогнозам (напр.: Snyder, 1999; Colburn, 1994; Goodwin, 2001), усилился. С одной стороны, наблюдается движение революционных событий из центра Мир-Системы на ее периферию, в т.ч. африканскую, но с другой — мы видим, что и в ядре Мир-Системы происходят события по типу явно революционные, хотя и в своеобразных формах.

Мы ожидаем, что ближайшие десятилетия текущего столетия будут насыщены революционными событиями. Новые десятилетия XXI века обещают быть довольно активными, полными драматических столкновений, поисками пути к новым состояниям на уровне регионов и Мир-Системы, изменений в балансе мировых сил, но во всех этих процессах заметную роль могут играть революции и революционные события. Мы полагаем, что при этом мир-системная роль революций в ближайшее время, по-видимому, все меньше будет связана с поиском новых прогрессивных путей развития, которые могли бы быть важными или новыми в смысле создания модели для подражания. Однако их роль как одного из важных компонентов разрушения старой мировой системы, мирового порядка, создания возможностей для формирования нового мирового порядка будет заметной.

Поскольку ближайшие десятилетия ожидаются трудными в экономическом плане, отсюда следует, что политические и социальные проблемы в этот период могут быть более острыми. Соответственно, условия для революционных событий будут благоприятные, хотя, конечно, надо всегда иметь в виду, что любая революция — это дестабилизационное событие, которое может принести серьезный негатив в жизнь общества и даже Мир-Системы в целом.

В связи со сказанным можно согласиться с Э. Селбином (Selbin, 2001), что во многих странах демократические отношения слабые, а несправедливость и неравенство остаются сильными. И в конце концов люди, сталкиваясь с острыми социальными проблемами при отсутствии возможности бороться с несправедливостью законным и удовлетворительным для них путем, не станут бесконечно это терпеть. А значит, революции в будущем неизбежны (Selbin, 2001: 285–286).

Он сделал справедливый вывод, что в будущем революции станут даже более вероятными, чем в предшествующие эпохи.

Мир-системная роль революций проявляет себя, в том числе как результирующая изменения Мир-Системы в целом, перевода ее в новое состояние (о возможном аналоге глобалистской революции мы писали ранее (Гринин, Гринин, 2021)). Есть и идеи о левой революции в мире как новой волне социальных революций (см.: Chase-Dunn, Nagy, 2022; Chase-Dunn et al., 2023). При этом, как сказано выше, революции будут частью цепи других сложных, конфликтных и разрушительных событий разной природы, ведущих Мир-Систему к новому качеству. В любом случае роль революций будет оставаться значительной; она, по крайней мере, не уменьшится, а в чем-то, может быть, даже увеличится. Революции станут своего рода тараном, разрушающим старый мировой порядок и готовящим условия для возникновения нового. Таким образом, если они не будут эффективным средством для продвижения вперед в рамках отдельных обществ, то станут играть важную роль в трансформации Мир-Системы в целом¹¹. В рамках общей трансформации Мир-Системы и под влиянием общего мир-системного кризиса революционные события могут случиться в разных обществах, в том числе и в странах с устойчивой демократической системой, включая США (Коротаяев, Гринин и др., 2022; Korotayev, Zhdanov et al., 2025). В таком случае их роль как средства прогресса может быть значительной. При этом чем слабее будет роль революционного процесса как условия для перехода к новым моделям и уровням развития при сохранении или увеличении его роли в реконфигурации Мир-Системы, тем заметнее могут быть в революционном процессе революционные движения без революций. Последние также будут влиять на расшатывание порядка — как в отдельных странах, так и в Мир-Системе. В целом можно констатировать, что повышение уровня диспропорции между экономическим и социально-политическим развитием от отдельного общества до Мир-Системы понижает прогрессивные возможности революции в каждом конкретном случае, но оставляет роль революционного процесса в целом достаточно значимой.

Мы неоднократно высказывали идею, что в XXI столетии страны Африки и этот континент в целом будут динамично развиваться, так что их роль в Мир-Системе будет повышаться (Гринин А. и др., 2024; Гринин, Коротаяев, 2024a; Grinin, Korotayev, 2023, 2024b). С другой стороны, в связи с процессом модернизации этих стран¹², недостаточным уровнем государственности, национального строитель-

---

11. Такую роль играли волны революций и в предшествующие эпохи, в частности после Первой и Второй мировых войн, а также в конце XX века, когда с их помощью был разрушен лагерь социализма и исчез биполярный мировой порядок. Не менее важно, что исторические аналогии подтверждают: революционные волны могут не только знаменовать крупномасштабные изменения в Мир-Системе, но и давать стимулы для них. Например, после волны революций 1848–1849 годов наблюдались значительное развитие капитализма и формирование современной политической системы в Европе, которая значительно повлияла и на мир-системную периферию.

12. О связи революционной активности с модернизационными процессами см., например: Шульц, 2016; Розов и др., 2019; Гринин, 2017; Коротаяев, Малков и др., 2012; Коротаяев, Исаев и др., 2015; Коротаяев, Билуа и др., 2016; Коротаяев, Васькин и др., 2017; Grinin, 2022.

ства, образования и культуры, Африка будет самым беспокойным континентом, в котором случится много дестабилизационных событий, включая и многочисленные революции (см.: Grinin, Korotayev, 2023, 2024b). Выше мы говорили о роли радикальных исламских революций в Африке. Они будут продолжаться. При этом чем выше будет роль той или иной африканской страны, тем существеннее будет влияние возможных революций в этих странах. Таким образом, вместе с ростом роли стран Глобального Юга в будущем будет расти и роль революций как трансформирующих мировой порядок событий.

К сожалению, не исключены и революционные протесты исламского меньшинства в европейских странах. Не исключены революционные подъемы и в многоконфессиональных странах, особенно большое влияние могут иметь такие события в Индии, националистические власти которой в последнее время стали откровенно притеснять другие конфессии (в частности, ислам). Но особенно распространились революции радикального ислама, когда радикальные исламисты активно вовлекают население (особенно молодежь) и используют террор и партизанскую тактику для захвата власти в стране или в отдельных районах. Афганистан здесь наиболее известный пример (если не считать Исламское государство — ИГИЛ¹³). Но талибы в Афганистане по сравнению с ИГИЛ, конечно, выглядят умеренно. Однако наибольшее число таких радикальных исламистских революционных движений наблюдается и будет наблюдаться в Африке в связи с низким уровнем образования, культуры, уровня жизни и избыточным числом молодежи, часть которой предпочитает присоединяться к радикалам, а не работать в поле¹⁴ (Коротаев, Устюжанин и др., 2022; Korotayev, Shulgin et al., 2023). При этом следует ожидать некоторого количества революционных движений (возможно, без революций¹⁵) в странах мир-системного ядра.

Таким образом, исходя из указанных типов революций, можно сказать, что революционный процесс в дальнейшем будет иметь несколько достаточно тесно связанных между собой составляющих. Это: 1) продолжение давно идущего процесса, в результате которого революции смещаются все дальше от центра Мир-Системы, затрагивая страны, которые «дозревают» до революций или определенного

---

13. Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации.

14. Здесь можно упомянуть такие движения в Сомали, Нигерии (запрещенные в России «Боко Харам» и Западноафриканский вилайет ИГ), Камеруне, Кении, Мозамбике и других странах (особенно в зоне Сахеля), где радикалы буквально терроризируют население (Фитуни, Абрамова, 2014; Денисова, 2024; Денисова, Костелянец, 2021; Коротаев, Бобарькина и др., 2021; Коротаев, Зинькина и др., 2021; Коротаев, Лиокумович и др., 2021; Коротаев, Хайруллин, 2024; Хайруллин, Коротаев, 2025; Korotayev, Issaev et al., 2024; Korotayev, Khokhlova, 2022; Korotayev, Voronina, 2024).

15. То есть когда у движения нет четких требований и/или эти требования имеют ограниченный характер и не затрагивают основ политического режима. Однако протест может быть активным и длительным. Примером является движение «желтых жилетов». Однако такие движения, особенно в странах с авторитарным уклоном, часто перерастают в революции. Движение *Black Lives Matter* («Жизни темнокожих имеют значение»), активизировавшееся в США в 2020 году, — еще один хороший пример.

их типа (в будущем это прежде всего Африка); 2) развитие процессов демократизации и становления национальных государств, которые идут с XIX в., в современных условиях. Это антидиктаторские и национальные революции в разных странах, происходящие по разным причинам. Их нередко можно рассматривать как постмодернизационные революции, поскольку происходят они в обществах, достигших достаточно высокого уровня, но имеющих серьезные внутренние диспропорции либо пошедших неверным курсом во внутренней политике; 3) революции, используемые в качестве геополитического оружия. Их роль, не исключено, может возрасти в отдельные периоды, поскольку, как уже сказано, идет изменение баланса сил в мире, что вызывает обострение борьбы между крупными державами, ведущими гибридные войны друг с другом. Революции в странах, находящихся в сфере влияния соперника, инициированные с целью оторвать их от него, являются весьма мощным геополитическим оружием; 4) революционные движения в странах, близких к ядру Мир-Системы, что связано с реконфигурацией последней, трансформацией мирового порядка, ослаблением экономики развитых стран, их политических систем и способности выдвигать сильных лидеров. Все это показывает исключительную важность создания и развития баз данных революционных событий.

Заключение

Современные революции сильно отличаются от того, как общество привыкло воспринимать это слово. Революция это чаще всего не вооруженный мятеж и не глобальная трансформация общества, как это описывала Теда Скочпол (1979). Сейчас революции стали формой массовой мобилизации людей с целью изменения режима — как на улицах городов с транспарантами и зачастую «коктейлями Молотова», так и с автоматами в руках посреди пустынь и деревень. Революции показывают дестабилизацию общества и государства на определенном этапе их трансформации. И хоть в революции часто вовлечены иные акторы, такие как военные или другие государства, они отражают недовольство определенной группы населения положением дел в их государстве и его уверенность в необходимости определенных существенных реформ.

Поскольку революционная дестабилизация находится на подъеме во многом благодаря трансформации Мир-Системы, а сам по себе революционный процесс претерпевает изменения — завершение колониальных войн, рост радикального ислама, распространение онлайн-мобилизации — необходимой является новая формализация данных событий, показывающих кризис государств и влекущих за собой существенные изменения, как в случае успеха, так и в случае провала.

Существующие источники, такие как база данных Марка Бейссинджера или NAVCO, часто имеют отличную концептуализацию, иные методы сбора данных и некоторые структурные неточности, опираются на более широкий период вре-

мени, что усложняет описание уникальности революционного в XXI веке, а также нерегулярно обновляются. Наша база данных представляет список событий, соответствующих критериям революции, и набор уникальных переменных, описывающих хронологические и географические характеристики, успешность, тактику, цели и иные дополнительные характеристики каждого революционного (и квазиреволюционного) эпизода. Квазиреволюционные события также включены в базу данных как еще одна особенность XXI века — распространение массового протеста и общая демократизация приводят к массовой мобилизации, которая на самом деле не ставит целью реальную трансформацию режима — лишь требует реформ, пользуясь некоторыми революционными тактиками. Эти данные были собраны сотрудниками, стажерами и практикантами Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ, и их валидность и непредвзятость обеспечивается единой схемой сбора, тщательным анализом других баз данных и описанной концептуализацией и операционализацией переменных, с которой были ознакомлены кодировщики, а также снижением чувствительности категорий путем бинаризации данных, а также эмпирическими тестами. Эти тесты демонстрируют, что революциям свойственно происходить в гибридных режимах, количество которых существенно выросло в XXI веке, что количество протестующих, в том числе и в абсолютных значениях, все еще играет роль в вероятности смены власти в результате невооруженных революций, которым также свойственно вести к демократизации, несмотря на неоднозначный характер многих революций (однако данный тренд может измениться из-за ослабления либерального мирового порядка).

Таким образом, несмотря на отсутствие некоторых специфических видов революций, которые достаточно сложно внедрить в формат базы данных, мы можем сказать, что представляем описание генеральной совокупности революционного процесса в XXI веке, который с учетом дестабилизации миропорядка становится неотъемлемым элементом политики многих государств, что делает исследование революций необходимым. А база данных, соответствующая современным критериям революций, дает возможности для статистического анализа этого феномена, что необходимо для понимания дестабилизационных процессов.

Литература

- Болданова Д. Б. (2024). Бангладеш: политическая история и революционное движение 2024 года // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 15. С. 383–392.
- Голдстоун Дж. А., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (2022). Волны революций XXI столетия // Полис. Политические исследования. № 4. С. 108–119.
- Гринин А. Л. (2025). Борьба за новый мировой порядок. История. Современность. Будущее. М.: Московская редакция издательства «Учитель».

- Гринин А. Л., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (2024). Африканский аспект борьбы за новый мировой порядок. Подъем Африки и усиление соперничества за нее // История и современность. № 3. С. 87–112.
- Гринин Л. Е. (2017). Русская революция и ловушки модернизации // Полис. Политические исследования. № 4. С. 138–155.
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. (2020). Революции XX века: теоретический и количественный анализ // Полис. Политические исследования. № 5. С. 130–147.
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. (2021). Глобализм против американизма. Часть вторая. Глобализм и будущее США и мира // История и современность. № 3. С. 3–53.
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. (2022). Новая волна революционных процессов в африканской макрорегии нестабильности и ее влияние на смежные мир-системные зоны // История и современность. № 3. С. 3–22.
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л., Коротаев А. В. (2024а). Глобальные трансформации Мир-Системы и контуры нового мирового порядка // Политическая наука. № 2. С. 124–150.
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л., Коротаев А. В. (2024б). Контуры нового мирового порядка и БРИКС+ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 17. № 5. С. 61–81.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (2021а). Революционные события XXI века и теория революции. Методологические пояснения // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 12. С. 543–567.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (2024). Африка: геополитические мир-системные аспекты и возможности России // Век глобализации. № 4. С. 20–34.
- Денисова Т. С. (2024). Военно-политический конфликт в бассейне озера Чад // История и современность. № 3. С. 152–165.
- Денисова Т. С., Костелянец С. В. (2021). Раскол в «Боко Харам» и его последствия для региона бассейна озера Чад // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 2. С. 214–230.
- Ижогин А. А., Коротаев А. В. (2025). Влияние раскола элит на успех невооруженных революционных выступлений начала XXI века // Социология власти. Т. 37. № 3. С. 177–213.
- Коротаев А. В., Аскеров М.-А. И., Исаев Л. М. (2025). Августовские события 2024 года в Нигерии (Несостоявшаяся куволуция в контексте западноафриканских политических процессов) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). № 2(117). С. 137–159.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. (2016). ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа // Сравнительная политика. Т. 7. № 4. С. 72–94.
- Коротаев А. В., Бобарыкина Д. А., Хохлова А. А. (2021). Революционные события в Верхней Вольте / Буркина-Фасо (1960–2021 гг.) // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 12. С. 371–415.

- Кортаев А., Васькин И., Билюга С. (2017). Гипотеза Олсона-Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа // Социологическое обозрение. Т. 16. № 1. С. 9–49.
- Кортаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Билюга С. Э., Васькин И. А., Слинко Е. В., Шишкина А. Р., Мещерина К. В. (2017). Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы. М.: Московская редакция издательства «Учитель».
- Кортаев А. В., Гринин Л. Е., Медведев И. А., Слав М. (2022). Типы политических режимов и риски революционной дестабилизации в XXI веке // Социологическое обозрение. Т. 21. № 4. С. 9–65.
- Кортаев А., Гринин Л., Устюжанин В. (2024). База данных по революционным событиям XXI века. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2024622477, 05.06.2024. Заявка № 2024622215 от 31.05.2024. <https://elibrary.ru/item.asp?id=67982065>. Размещена в сети Интернет по адресу https://social.hse.ru/mr/rev_bd
- Кортаев А., Гринин Л., Устюжанин В., Файн Е. (2025). Пятое поколение исследований революции. Систематический обзор // Логос. Т. 35. № 1. С. 153–281.
- Кортаев А. В., Зинькина Ю. В., Хохлова А. А., Лиокумович Я. Б. (2021). Революционные и квазиреволюционные процессы в Нигере // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 12. С. 416–450.
- Кортаев А. В., Исаев Л. М., Васильев А. М. (2015). Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. // Социологические исследования. № 8 (376). С. 119–127.
- Кортаев А. В., Лиокумович Я. Б., Хохлова А. А. (2021). Революционные события в Мали (1960–2021 гг.) // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 12. С. 329–370.
- Кортаев А. В., Малков А. С., Бурова А. Н. и др. (2012). Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события «арабской весны» 2011 г. // Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития / А. А. Акаев (ред.). М.: Либроком/URSS. С. 210–276.
- Кортаев А. В., Мещерина К. В., Куликова Е. Д., Дельянов В. Г. (2017). Арабская весна и ее глобальное эхо: количественный анализ // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 4. С. 113–126.
- Кортаев А. В., Устюжанин В. В., Зинькина Ю. В., Шульгин С. Г., Гринин Л. Е. (2022). К математическому моделированию политико-демографического будущего Африки // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 13. С. 271–321.
- Кортаев А. В., Хайруллин Т. Р. (2024). Традиционная кланово-племенная структура и современная политическая система Сомали // Восток (Oriens). № 1. С. 137–152.

- Костин М. С. (2020). Венесуэла: революционные события на фоне продолжающейся революционной эпохи (1998–2020) // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 11. С. 878–890.
- Розов Н. С., Пустовойт Ю. А., Филиппов С. И., Цыганков В. В. (2019). Революционные волны в ритмах глобальной модернизации. М.: Красанд/URSS.
- Устюжанин В. В., Гринин Л. Е., Медведев И. А., Коротаев А. В. (2022). Образование и революции (Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму?) // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. № 1 (104). С. 50–71.
- Устюжанин В., Степанищева Я., Галлямова А., Гринин Л., Коротаев А. (2023). Образование и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа // Социологическое обозрение. Т. 22. № 1. С. 98–128.
- Файн Е. Д. (2023). Феномен куволуций в странах Африки // Азия и Африка сегодня. № 10. С. 53–58.
- Фитунни Л. Л., Абрамова И. О. (2014). Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «исламской Африке» // Азия и Африка сегодня. № 12. С. 8–15.
- Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. (2025). Сомали: очередной виток напряженности // Азия и Африка сегодня. № 3. С. 14–21.
- Шишкина А. Р., Файн Е. Д. (2022). «Похищенные революции»: Феномен куволуций в Африке южнее Сахары // Неприкосновенный Запас. Т. 145. № 5. С. 134–147.
- Шульц Э. Э. (2016). Теория революции: революции и современные цивилизации. М.: Ленанд/USSR.
- Abrams B. (2019). A fifth generation of revolutionary theory is yet to come // Journal of Historical Sociology. Vol. 32. № 3. P. 378–386.
- Aglionby J. (2001). Filipinos rally to oust the president. URL: <https://www.theguardian.com/world/2001/jan/20/johnaglionby1> (дата доступа: 25.04.2025)
- Allinson J. (2019). A fifth generation of revolution theory? Journal of Historical Sociology // Vol. 32. № 1. P. 142–151.
- Ammons J. D. (2024). Institutional effects of nonviolent and violent revolutions // World Development Perspectives. Vol. 34. P. 1–19.
- Barany Z. (2016). How Armies Respond to Revolutions and Why. Princeton: Princeton University Press.
- Barrie C. (2021). Political sociology in a time of protest // Current Sociology. Vol. 69. № 6. P. 919–942.
- Barrie C. (2025). The Process of Revolutionary Protest: Development and Democracy in the Tunisian Revolution // Perspectives on Politics. Vol. 23. № 1. P. 103–121.
- Beck C. J., Bukovansky M., Chenoweth E., Lawson G., Nepstad S. E., Ritter D. P. (2022). On Revolutions: Unruly Politics in the Contemporary World. Oxford: Oxford University Press.
- Beissinger M. R. (2022). The revolutionary city: Urbanization and the global transformation of rebellion. Princeton, NJ: Princeton University Press.

- Bennett W. L., Segerberg A.* (2013). *The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bethke F.* (2017). Nonviolent Resistance and Peaceful Turnover of Power // *Peace Economics, Peace Science, and Public Policy*. Vol. 23 № 4. P. 1–5.
- Biglaiser G., Lee H., McGauvran R. J.* (2024). Domestic Political Unrest and Sovereign Bond Ratings in the Developing World // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 68. № 7–8. P. 1580–1607.
- Braithwaite A., Kucik J., Maves J.* (2014). The Costs of Domestic Political Unrest // *International Studies Quarterly*. Vol. 58. № 3. P. 489–500.
- Butcher C., Svensson I.* (2016). Manufacturing Dissent: Modernization and the Onset of Major Nonviolent Resistance Campaigns // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 60. № 2. P. 311–339.
- Cebul M. D., Grewal S.* (2022). Military Conscription and Nonviolent Resistance // *Comparative Political Studies*. Vol. 55 № 13. P. 2217–2249.
- Celestino M. R., Gleditsch K. S.* (2013). Fresh carnations or all thorn, no rose? Nonviolent campaigns and transitions in autocracies // *Journal of Peace Research*. Vol. 50. № 3. P. 385–400.
- Chase-Dunn C., Álvarez A., Liao, Y.* (2023). Waves of structural deglobalization: A world-systems perspective // *Social Sciences (Basel, Switzerland)*. Vol. 12. № 5. P. 301–323.
- Chase-Dunn C., Nagy S.* (2022). Global inequality and world revolutions: Past, present and future // *J Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change / Goldstone et al. (eds.)*. Cham: Springer Nature. P. 1001–1024.
- Chenoweth E., Lewis O. A.* (2013). Unpacking nonviolent campaigns: Introducing the NAVCO 2.0 dataset // *Journal of Peace Research*. Vol. 50. № 3. P. 415–423.
- Chenoweth E., Shay C. W.* (2020a). List of Campaigns in NAVCO 1.3. Cambridge: Harvard Dataverse.
- Chenoweth E., Shay C. W.* (2020b). NAVCO 1.3 Codebook. Cambridge: Harvard Dataverse.
- Chenoweth E., Shay C. W.* (2022). Updating nonviolent campaigns: Introducing NAVCO 2.1 // *Journal of Peace Research*. Vol. 59. № 6. P. 876–889.
- Chenoweth E., Stephan M. J.* (2011). *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. Columbia University Press.
- Chenoweth E., Ulfelder J.* (2017). Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings? // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 61. № 2. P. 298–324.
- Cincotta R., Weber H.* (2021). Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts // *Global Political Demography: The Politics of Population Change / A. Goerres, P. Vanhuyse (eds.)*. Springer International Publishing. P. 57–92.
- Colburn F. D.* (1994). *The Vogue of Revolution in Poor Countries*. Princeton University Press.
- Croissant A., Kuehn D., Eschenauer T.* (2018). Mass Protests and the Military // *Journal of Democracy*. Vol. 29. № 3. P. 141–155.

- Cunningham K. G.* (2023). Choosing tactics: The efficacy of violence and nonviolence in self-determination disputes // *Journal of Peace Research*. Vol. 60. № 1. P. 124–140.
- Cunningham K. G., Dahl M., Frugé A.* (2017). Strategies of Resistance: Diversification and Diffusion // *American Journal of Political Science*. Vol. 61. № 3. P. 591–605.
- Dahlum S.* (2019). Students in the Streets: Education and Nonviolent Protest // *Comparative Political Studies*. Vol. 52. № 2. P. 277–309.
- Dahlum S.* (2023). Joining forces: Social coalitions and democratic revolutions // *Journal of Peace Research*. Vol. 60. № 1. P. 42–57.
- Dollbaum J. M.* (2021). Protest Event Analysis Under Conditions of Limited Press Freedom: Comparing Data Sources // *Media and Communication*. Vol. 9. № 4. P. 104–115.
- Dworschak C.* (2023). Civil Resistance in the Streetlight: Replicating and Assessing Evidence on Nonviolent Effectiveness // *Comparative Politics*. Vol. 55. № 4. P. 639–651.
- Earl J., Martin A., McCarthy J. D., Soule S. A.* (2004). The Use of Newspaper Data in the Study of Collective Action // *Annual Review of Sociology*. Vol. 30. P. 65–80.
- Edwards P.* (2021). The politics of nonviolent mobilization: Campaigns, competition, and social movement resources // *Journal of Peace Research*. Vol. 58. № 5. P. 945–961.
- Esty D., Goldstone J., Gurr T., Harff B., Levy M., Dabelko G., Surko P., Unger A.* (1998). State failure task force report: Phase II findings // SAIC.
- Ellingsen T.* (2000). Colorful Community or Ethnic Witches' Brew? Multiethnicity and Domestic Conflict during and after the Cold War // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 44. № 2. P. 228–249.
- Ellingsen T., Gleditsch N. P.* (1997). Democracy and armed conflict in the Third World // *Causes of Conflict in the Third World / Oslo: PRIO*. P. 69–81.
- Fain E., Issaev L., Korotayev A.* (2024). Coupvolution as a Mechanism of Regime Change in the Sahel // *Terrorism and Political Contention. New Perspectives on North Africa and the Sahel Region / J. Besenyő et al. (eds.). Cham: Springer Nature*. P. 133–150.
- Ferris-Rotman A.* (2018). Armenia's pro-democracy leader tells his jubilant followers they can ease up. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/armenias-pro-democracy-movement-defiant-in-face-of-parliament-rejection/2018/05/02/dbb57coa-4de7-11e8-84a0-458a1aa9acoa_story.html (дата доступа: 05.06.2025)
- Filin N., Fahmy S., Khodunov A., Koklikov V.* (2022). Two Experiences of Islamic “Revival”: The 1979 Islamic Revolution in Iran and the Formation of the “Islamic State” in Syria and Iraq in the 2010s // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change / J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev (eds.). Cham: Springer Nature*. P. 865–883.
- Francisco R. A.* (1995). The relationship between coercion and protest: An empirical evaluation in three coercive states // *The Journal of Conflict Resolution*. Vol. 39. № 2. P. 263–282.
- Gladun A.* (2020). Protesting that is fit to be published: Issue attention cycle and nationalist bias in coverage of protests in Ukraine after Maidan // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 36. № 3. P. 246–267.

- Gleditsch K. S., Dahl M., Gates S., Gonzalez B.* (2021). Accounting for Numbers: Group Characteristics and the Choice of Violent and Nonviolent Tactics // *The Economics of Peace and Security Journal*. Vol. 16. № 1.
- Gleditsch K. S., Hegre H.* (2014). Regime type and political transition in civil war // *Routledge handbook of civil war* / E. Newman, K. DeRouen (eds.). London: Routledge. P. 161–172.
- Gleditsch K. S., Olar R.-G., Radean, M.* (2022). Going, going, gone? Varieties of dissent and leader exit // *Journal of Peace Research*. Vol 60. № 5. P. 729–744.
- Gleditsch N., Hegre H., Strand H.* (2009). Democracy and civil war // *Handbook of War Studies III* / M. Midlarsky (ed.). Ann Arbor, MI: University of Michigan Press. P. 155–192.
- Goldstone J.* (2001). Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory // *Annual Review of Political Science*. Vol. 4. P. 139–187.
- Goldstone J. A.* (2014). *Revolutions: A Very Short Introduction*. Oxford University Press.
- Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A.* (2022a) Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* / J. Goldstone et al. (eds.). Cham: Springer Nature. P. 1–34.
- Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A.* (2022b). The Phenomenon and Theories of Revolutions // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* // J. Goldstone et al. (eds.). Cham: Springer Nature. P. 37–68.
- Goldstone J. A., Gurr T. R., Harff B., Levy M. A., Marshall M. G., Bates R. H., Unger A. N.* (2000). State failure task force report: Phase III findings. Science Applications International Corporation.
- Goldstone J. A., Ritter D. P.* (2019). Revolution and social movements // *The Wiley Blackwell Companion to Social Movements* / D. A. Snow et al. (eds.). Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. P. 682–697.
- Goodwin J.* (2001). Is the Age of Revolutions Over? // *Revolution: International Dimensions* / M. N. Katz (ed.). Washington: CQ Press. P. 272–283.
- Grinin L.* (2022). Revolutions and modernization traps // *Handbook of Revolutions in the 21st Century* / J. A. Goldstone et al. (eds.). Cham: Springer. P. 219–238.
- Grinin L., Grinin A., Korotayev A.* (2022). 20th century revolutions: characteristics, types, and waves // *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 9. № 1. P. 1–13.
- Grinin L., Korotayev A.* (2021) Seven Weaknesses of the U.S., Donald Trump, and the Future of American Hegemony // *World Futures*. Vol. 77. № 1. P. 23–54.
- Grinin L., Korotayev A.* (2022). Revolutions, Counterrevolutions, and Democracy // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* / J. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev (eds.). Cham: Springer. P. 105–136.
- Grinin L., Korotayev A.* (2024). Africa—The Continent of the Future. Demographic and Economic Challenges and Opportunities // *World Futures*. Vol. 80. №1. P. 70–82.

- Grinin L., Korotayev A.* (2024b). Is the Fifth Generation of Revolution Studies Still Coming? // *Critical Sociology*. Vol. 54. № 1. P. 1039–1067.
- Gurr T. R.* (1974). Persistence and change in political systems, 1800–1971 // *The American Political Science Review*. Vol. 68. № 4. P. 1482–1504.
- Hellmeier S., Weidmann, N. B., Rød, E. G.* (2018). In the Spotlight: Analyzing Sequential Attention Effects in Protest Reporting // *Political Communication*. Vol. 35. № 4. P. 587–611.
- Hegre H., Ellingsen T., Gates S., Gleditsch N. P.* (2001). Toward a Democratic Civil Peace? Democracy, Political Change, and Civil War, 1816–1992 // *The American Political Science Review*. Vol. 96. № 1. P. 33–48.
- Issaev L., Korotayev A.* (2022). Introduction. New Wave of Revolutions in the MENA Region in the Global Perspective // *New Wave of Revolutions in the MENA Region: A Comparative Perspective* / L. Issaev, A. Korotayev (eds.). Springer International Publishing. P. 1–31.
- Jones Z. M., Lupu Y.* (2018). Is there more violence in the middle? // *American Journal of Political Science*. Vol. 62. № 3. P. 652–667.
- Kadivar M. A.* (2018). Mass mobilization and the durability of new democracies // *American Sociological Review*. Vol. 83. № 2. P. 390–417.
- Kadivar M. A., Ketchley N.* (2018). Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization // *Socius*. Vol. 4.
- Kalin I., Lounsbury M. O., Pearson F.* (2022). Major power politics and non-violent resistance movements // *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 39. № 3. P. 241–265.
- Kim N. K.* (2017). Anti-regime Uprisings and the Emergence of Electoral Authoritarianism // *Political Research Quarterly*. Vol. 70. № 1. P. 111–126.
- Kirisci M., Demirhan E.* (2021). Resource Wealth as Leverage: Natural Resources and the Failure of Non-Violent Campaigns // *Government and Opposition*. Vol. 56. № 1. P. 102–120.
- Koehler K., Albrecht H.* (2021). Revolutions and the military: Endgame coups, instability, and prospects for democracy // *Armed Forces & Society*. Vol. 47. № 1. P. 148–176
- Korotayev A., Fain E., Ustyuzhanin V., Grinin L.* (2025). The Fifth Generation of Revolution Studies. Part III: A Systematic Review of Substantive Findings (Repression, Success, and Outcomes of Revolutions) // *Critical Sociology*. Vol. 51. № 4–5. P. 569–577.
- Korotayev A., Issaev L., Ilyina A., Zinkina J., Voronina E.* (2024). Revolutionary History of Niger: From Independence to 2023 Coup // *Terrorism and Political Contention. New Perspectives on North Africa and the Sahel Region* / J. Besenyő et al. (eds.). Cham: Springer Nature. P. 169–194.
- Korotayev A., Khokhlova A.* (2022). Revolutionary events in Mali, 2020–2021 // *New Wave of Revolutions in the MENA Region: A Comparative Perspective* / L. Issaev, A. Korotayev (eds.). Cham: Springer Nature. P. 191–218.
- Korotayev A., Shulgin S., Ustyuzhanin V., Zinkina J., Grinin L.* (2023). Modeling social self-organization and historical dynamics. Africa's futures // *Reconsidering the limits*

- to growth. A report to the Russian Association of the Club of Rome / V. Sadovnichy et al. (eds.). Cham: Springer Nature. P. 461–490.
- Korotayev A., Ustyuzhanin V., Grinin L., Fain E.* (2025). The fifth generation of revolution studies. Part II: A systematic review of substantive findings (Revolution Causes, Forms, and Waves) // *Critical Sociology*. Vol. 51. № 3. P. 429–450.
- Korotayev A., Voronina E.* (2024). Revolutionary and Quasi-Revolutionary Events in Somalia (1960–2023) // *Terrorism and Political Contention. New Perspectives on North Africa and the Sahel Region* / J. Besenyő et al. (eds.). Cham: Springer Nature, pp. 349–400.
- Korotayev A., Zhdanov A., Grinin L., Ustyuzhanin V.* (2025). Revolution and Democracy in the Twenty-First Century // *Cross-Cultural Research*. Vol. 59. № 2. P. 180–215.
- Kudaibergenova D. T., Laruelle, M.* (2022). Making sense of the January 2022 protests in Kazakhstan: Failing legitimacy, culture of protests, and elite readjustments // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 38. № 6. P. 441–459.
- Lawson G.* (2019). *Anatomies of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Little A. T., Meng, A.* (2024). Measuring Democratic Backsliding // *PS: Political Science & Politics*. Vol. 57. № 2. P. 149–161.
- McCarthy J., Titarenko L., McPhail C., Rafail P., Augustyn B.* (2008). Assessing Stability in the Patterns of Selection Bias in Newspaper Coverage of Protest During the Transition from Communism in Belarus // *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 13. № 2. P. 127–146.
- McMann K., Pemstein D., Seim B., Teorell J., Lindberg S.* (2022). Assessing Data Quality: An Approach and An Application // *Political Analysis*. Vol. 30. № 3. P. 426–449.
- Mustasilta K., Svensson I.* (2023). Divided We Fall: Ethnic Cleavages, Movement Cohesion, and the Risk of Escalation to Civil War in Non-Violent Uprisings // *Civil Wars*. Vol. 25. № 1. P. 103–136.
- Muller E. N., Weede E.* (1990). Cross-national variation in political violence: A rational action approach // *The Journal of Conflict Resolution*. Vol. 34. № 4. P. 624–651.
- Pischedda C.* (2020). Ethnic Conflict and the Limits of Nonviolent Resistance // *Security Studies*. Vol. 29. № 2. P. 362–391.
- Regan P. M., Bell S. R.* (2010). Changing lanes or stuck in the middle: Why are anocracies more prone to civil wars? // *Political Research Quarterly*. Vol. 63. № 4. P. 747–759.
- Reid B.* (2001). The Philippine democratic uprising and the contradictions of neoliberalism: Edsa II // *Third World Quarterly*. Vol. 22. № 5. P. 777–793.
- Selbin E.* (2001). Same as it ever was: The future of revolution at the end of the century // *Revolution: International Dimensions* / M. Katz (ed.). SAGE Publications. P. 284–297.
- Sharp G.* (1973). *The Methods of Nonviolent Action*. Independently published.
- Skocpol T.* (1979). *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A.* (2017). Regime Type and Political Destabilization in Cross-National Perspective: A Re-Analysis // *Cross-Cultural Research*. Vol. 51. № 1. P. 26–50.

- Snyder R. S.* (1999). The End of Revolution? // *The Review of Politics*. Vol. 61 № 1. P. 5–28.
- The Economist* (2018). Armenia's revolution continues, as its opposition leader nears power. URL: <https://www.economist.com/europe/2018/05/03/armenias-revolution-continues-as-its-opposition-leader-nears-power> (дата доспута: 07.06.2025)
- Urdal H.* (2006). A clash of generations? Youth bulges and political violence // *International Studies Quarterly*. Vol. 50. № 3. P. 607–629.
- Ustyuzhanin V., & Korotayev A.* (2023). Revolutions and Democracy. Can Democracies Prevent Revolutionary Armed Violence? // *Comparative Sociology*. Vol. 22. № 1. P. 95–137.
- Wall Street Journal* (2001). Estrada: A Tarnished Legacy. <https://www.wsj.com/articles/SB980104460815218842> (дата доступа: 03.05.2025).
- Weidmann N. B.* (2016). A Closer Look at Reporting Bias in Conflict Event Data // *American Journal of Political Science*. Vol. 60. № 1. P. 206–218.
- Weidmann N. B.* (2024). Recent Events and the Coding of Cross-National Indicators. *Comparative Political Studies*. Vol. 57. № 1. P. 921–937.

New Possibilities for Analysing Revolution: Introducing a Database of Revolutions of the 21st Century

Vadim Ustyuzhanin

Junior Research Fellow, Center for Stability and Risk Studies, HSE University
Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: vvustiuzhanin@hse.ru

Dmitry Semichev

Research Intern, Center for Stability and Risk Studies, HSE University
Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: dimasemichev19@gmail.com

Leonid Grinin

Doctor of Philosophy, Senior Research Fellow, Center for Stability and Risk Studies, HSE University; Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: lgrinin@mail.ru

Andrey Korotayev

Doctor of Historical Sciences, Professor, Director, Center for Stability and Risk Studies, HSE University; Senior Research Fellow, Institute of African Studies, Russian Academy of Sciences
Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: akorotayev@gmail.com

The revolutionary process in the 21st century has undergone significant changes, and with the decay of democracy and the transformation of the world order, the number of revolutionary

episodes with new goals and tactics has only increased. Across the Global South, with the population growth, millions of people began to take part in revolutionary protests, and in the Middle East and the Sahel, the rise of radical Islam led to the emergence of bloody Islamist armed insurgencies. Existing data sources focus on longer historical periods, which complicates the analysis of current processes, and have a number of shortcomings, such as the “streetlight effect,” i.e. the omission of cases that can distort the effects associated with the data. Therefore, we present our own database describing successful and failed revolutionary events from 2000 to 2024 with their unique characteristics, such as goals, tactics, number of participants, the roles of the military, other states and ethnic minorities. The article describes all the presented variables, their operationalization and the data collection process with examples, as well as the methods used to minimize such problems as selection bias and description bias. Empirical tests of conventional factors of the emergence, success and outcomes of revolutions are conducted as well, depicting the compliance of the results with the theory of revolutions. As a result, the database expands the opportunities of the research of revolutions, which are integral elements of the changing international order and the reconfiguration of the World System.

Keywords: revolutions, uprisings, insurgencies, protests, databases, World System, mass mobilization, regime change

References

- Abrams B. (2019) A fifth generation of revolutionary theory is yet to come. *Journal of Historical Sociology*, vol. 32, no 3, pp. 378–386.
- Aglionby J. (2001) Filipinos rally to oust the president. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2001/jan/20/johnaglionby1>
- Allinson J. (2019) A fifth generation of revolution theory? *Journal of Historical Sociology*, vol. 32, no 1, pp. 142–151.
- Ammons J. D. (2024) Institutional effects of nonviolent and violent revolutions. *World Development Perspectives*, vol. 34.
- Barany Z. (2016). *How Armies Respond to Revolutions and Why*, Princeton: Princeton University Press.
- Barrie C. (2021) Political sociology in a time of protest. *Current Sociology*, vol. 69, no 6, pp. 919–942.
- Barrie C. (2025) The Process of Revolutionary Protest: Development and Democracy in the Tunisian Revolution. *Perspectives on Politics*, vol. 23, no 1, pp. 103–121.
- Beck C. J., Bukovansky M., Chenoweth E., Lawson G., Nepstad S. E., Ritter D. P. (2022) *On Revolutions: Unruly Politics in the Contemporary World*, Oxford: Oxford University Press.
- Beissinger M. R. (2022) *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Bennett W. L., Segerberg A. (2013) *The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics*, Cambridge University Press.
- Bethke F. (2017) Nonviolent Resistance and Peaceful Turnover of Power. *Peace Economics, Peace Science, and Public Policy*, vol. 23, no 4, pp. 1–5.
- Biglaiser G., Lee H., McGauvran R. J. (2024) Domestic Political Unrest and Sovereign Bond Ratings in the Developing World. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 68, no 7-8, pp. 1580–1607.
- Boldanova D. B. (2024) Bangladesh: politicheskaya istoriya i revolyucionnoe dvizhenie 2024 goda [Bangladesh: political history and revolutionary history of 2024]. *System Monitoring of Global and Regional Risks*, vol. 15, pp. 383–392.
- Braithwaite A., Kucik J., Maves J. (2014) The Costs of Domestic Political Unrest. *International Studies Quarterly*, vol. 58, no 3, pp. 489–500.
- Butcher C., Svensson I. (2016) Manufacturing Dissent: Modernization and the Onset of Major Nonviolent Resistance Campaigns. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 60, no 2, pp. 311–339.

- Cebul M. D., Grewal S. (2022) Military Conscription and Nonviolent Resistance. *Comparative Political Studies*, vol. 55, no 13, pp. 2217–2249.
- Celestino M. R., Gleditsch K. S. (2013) Fresh carnations or all thorn, no rose? Nonviolent campaigns and transitions in autocracies. *Journal of Peace Research*, vol. 50, no 3, pp. 385–400.
- Chase-Dunn, C., Álvarez, A., Liao, Y. (2023) Waves of structural deglobalization: A world-systems perspective. *Social Sciences (Basel, Switzerland)*, vol. 12, no 5, pp. 301–323.
- Chase-Dunn, C., Nagy, S. (2022) Global inequality and world revolutions: Past, present and future. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (eds. J. Goldstone et al.), Cham: Springer Nature, pp. 1001–1024.
- Chenoweth E., Lewis O. A. (2013) Unpacking nonviolent campaigns: Introducing the NAVCO 2.0 dataset. *Journal of Peace Research*, vol. 50, no 3, pp. 415–423.
- Chenoweth E., Shay C. W. (2020) *List of Campaigns in NAVCO 1.3*, Cambridge: Harvard Dataverse.
- Chenoweth E., Shay C. W. (2020) *NAVCO 1.3 Codebook*, Cambridge: Harvard Dataverse.
- Chenoweth E., Shay C. W. (2022) Updating nonviolent campaigns: Introducing NAVCO 2.1. *Journal of Peace Research*, vol. 59, no 6, pp. 876–889.
- Chenoweth E., Stephan M. J. (2011) *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*, Columbia University Press.
- Chenoweth E., Ulfelder J. (2017) Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings? *Journal of Conflict Resolution*, vol. 61, no 2, pp. 298–324.
- Cincotta R., Weber H. (2021) Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts. *Global Political Demography: The Politics of Population Change* (eds. A. Goerres, P. Vanhuyse), Cham: Springer Nature, pp. 57–92.
- Colburn F. D. (1994) *The Vogue of Revolution in Poor Countries*, Princeton University Press.
- Croissant A., Kuehn D., Eschenauer T. (2018) Mass Protests and the Military. *Journal of Democracy*, vol. 29, no 3, pp. 141–155.
- Cunningham K. G. (2023) Choosing tactics: The efficacy of violence and nonviolence in self-determination disputes. *Journal of Peace Research*, vol. 60, no 1, pp. 124–140.
- Cunningham K. G., Dahl M., Frugé A. (2017) Strategies of Resistance: Diversification and Diffusion. *American Journal of Political Science*, vol. 61, no 3, pp. 591–605.
- Dahlum S. (2019) Students in the Streets: Education and Nonviolent Protest. *Comparative Political Studies*, vol. 52, no 2, pp. 277–309.
- Dahlum S. (2023) Joining forces: Social coalitions and democratic revolutions. *Journal of Peace Research*, vol. 60, no 1, pp. 42–57.
- Denisova T. S. (2024) The Ongoing Military and Political Conflict in the Lake Chad Basin. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity*, no 3, pp. 152–165. (In Russ.).
- Denisova T. S., Kostelyanets S. V. (2021) The split in Boko Haram and its consequences for the Lake Chad Basin region. *Contours of global transformations: politics, economics, law*, vol. 14, no 2, 214–230. (In Russ.).
- Dollbaum J. M. (2021) Protest Event Analysis Under Conditions of Limited Press Freedom: Comparing Data Sources. *Media and Communication*, vol. 9, no 4, pp. 104–115.
- Dworschak C. (2023) Civil Resistance in the Streetlight: Replicating and Assessing Evidence on Nonviolent Effectiveness. *Comparative Politics*, vol. 55, no 4, pp. 639–651.
- Earl J., Martin, A., McCarthy J. D., Soule S. A. (2004) The Use of Newspaper Data in the Study of Collective Action. *Annual Review of Sociology*, vol. 30, pp. 65–80.
- Edwards P. (2021) The politics of nonviolent mobilization: Campaigns, competition, and social movement resources. *Journal of Peace Research*, vol. 58, no 5, pp. 945–961.
- Esty D., Goldstone J., Gurr T., Harff B., Levy M., Dabelko G., Surko P., Unger A. (1998) *State failure task force report: Phase II findings*, SAIC.
- Ellingsen T., Gleditsch N. P. (1997) Democracy and armed conflict in the Third World. *Causes of Conflict in the Third World*, Oslo: PRIO, pp. 69–81.
- Ellingsen T. (2000) Colorful Community or Ethnic Witches' Brew? Multiethnicity and Domestic Conflict during and after the Cold War. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 44, no 2, pp. 228–249.

- Fain E. D. (2023) Fenomen kuvolyucij v stranah Afriki [Phenomenon of coupvolution in the countries of Africa]. *Asia and Africa Today*, no 10, pp. 53–58.
- Fain E., Issaev L., Korotayev A. (2024) Coupvolution as a Mechanism of Regime Change in the Sahel. *Terrorism and Political Contention. New Perspectives on North Africa and the Sahel Region* (eds. J. Besenyő et al.), Cham: Springer Nature, pp. 133–150.
- Ferris-Rotman A. (2018) Armenia's pro-democracy leader tells his jubilant followers they can ease up. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/europe/armenias-pro-democracy-movement-defiant-in-face-of-parliament-rejection/2018/05/02/dbb57coa-4de7-11e8-84a0-458a1aa9acoa_story.html
- Filin N., Fahmy S., Khodunov A., Koklikov V. (2022) Two Experiences of Islamic “Revival”: The 1979 Islamic Revolution in Iran and the Formation of the “Islamic State” in Syria and Iraq in the 2010s. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (eds. J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev), Cham: Springer Nature, pp. 865–883.
- Fitini L. L., Abramova I. O. (2014) Aggressive non-state participants in geostrategic rivalry in “Islamic Africa”. *Asia and Africa Today*, no 12, pp. 8–15 (in Russ.).
- Francisco, R. A. (1995) The relationship between coercion and protest: An empirical evaluation in three coercive states. *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 3, no 2, pp. 263–282.
- Gladun A. (2020) Protesting that is fit to be published: Issue attention cycle and nationalist bias in coverage of protests in Ukraine after Maidan. *Post-Soviet Affairs*, vol. 36, no 3, pp. 246–267.
- Gleditsch N., Hegre H., Strand H. (2009) Democracy and civil war. *Handbook of War Studies III* (ed. M. Midlarsky), Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, pp. 155–192.
- Gleditsch K. S., Dahl M., Gates S., Gonzalez B. (2021) Accounting for Numbers: Group Characteristics and the Choice of Violent and Nonviolent Tactics. *The Economics of Peace and Security Journal*, vol. 16, no 1.
- Gleditsch K. S., Hegre H. (2014) Regime type and political transition in civil war. *Routledge Handbook of Civil War* (eds. E. Newman, K. DeRouen), London: Routledge, pp. 161–172.
- Gleditsch K. S., Olar R.-G., Radean M. (2022) Going, going, gone? Varieties of dissent and leader exit. *Journal of Peace Research*, vol. 60, no 5, pp. 729–744.
- Goldstone J. A. (2001) Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory. *Annual Review of Political Science*, vol. 4, pp. 139–187.
- Goldstone J. A. (2014) *Revolutions: A Very Short Introduction*, Oxford University Press.
- Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (2022a) Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (eds. J. Goldstone et al.), Cham: Springer Nature, pp. 1–34.
- Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (2022b) The Phenomenon and Theories of Revolutions. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (eds. J. Goldstone et al.), Cham: Springer Nature, pp. 37–68.
- Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (2022) Volny revolyucij XXI stoletiya [Waves of revolutions in the 21st century]. *Polis. Political Studies*, no 4, pp. 108–119.
- Goldstone J. A., Gurr T. R., Harff B., Levy M. A., Marshall M. G., Bates R. H., Unger A. N. (2000) *State failure task force report: Phase III findings*, Science Applications International Corporation.
- Goldstone J. A., Ritter D. P. (2019). Revolution and social movements. *The Wiley Blackwell Companion to Social Movements* (eds. D. A. Snow et al.). Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, pp. 682–697.
- Goodwin J. (2001) Is the Age of Revolutions Over? *Revolution: International Dimensions* (ed. M. N. Katz), Washington: CQ Press, pp. 272–283.
- Grinin A. L. (2025) *Borba za novyy mirovoy poryadok. Istoriya. Sovremennost. Budushcheye* [The Struggle for a New World Order. History. Modernity. Future], Moscow: Uchitel. (In Russ.).
- Grinin L. E. (2017) Russian revolution and modernization traps. *Polis. Political studies*, no 4, pp. 138–155.
- Grinin L. (2022) Revolutions and modernization traps. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (eds. J. Goldstone et al.), Cham: Springer Nature, pp. 219–238.

- Grinin A. L., Grinin L. E., Korotayev A. V. (2024) The African Aspect of the Struggle for a New World Order. The Rise of Africa and the Intensifying Competition for It. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity*, no 3, pp. 87–112. (In Russ.).
- Grinin L., Grinin A. (2020) Revolutions of the 20th Century: A Theoretical-Quantitative Analysis. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no 5, pp. 130–147. (In Russ.).
- Grinin L. E., Grinin A. L. (2021) Globalizm protiv amerikanizma. Chast' vtoraya. Globalizm i budushcheye SSHA i mira [Globalism versus Americanism. Part Two. Globalism and the Future of the USA and the World]. *Istoriya i sovremennost'*, no 3, pp. 3–53.
- Grinin L., Grinin A. (2022) Novaya volna revolyucionnykh processov v afrazijskoj makrozone nestabil'nosti i ee vliyanie na smezhnye mir-sistemnye zony [New wave of revolutionary process in AfriAsian macrozone of instability and its influence in the neighboring World-System zones]. *History and Modernity*, no 3, pp. 3–22.
- Grinin L., Grinin A., Korotayev A. (2021) Global trends and forecasts of the 21st century. *World Futures*, vol. 77, no 5, pp. 335–370.
- Grinin L., Grinin A., Korotayev A. (2022) 20th century revolutions: characteristics, types, and waves. *Humanities and Social Sciences Communications*, vol. 9, no 1, pp. 1–13.
- Grinin L.E., Grinin A.L., Korotayev A.V. (2024a) Global transformations of the World System and contours of a new world order. *Political science (RU)*, no 2, pp. 124–150. (In Russ.).
- Grinin L.E., Grinin A.L., Korotayev A.V. (2024b) Shaping a New World Order and BRICS+. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 5, pp. 61–81. (In Russ.).
- Grinin L. E., Korotayev A. V. (2021a) Revolyucionnye sobytiya XXI veka i teoriya revolyucii. Metodologicheskie poyasneniya [Revolutionary events of the 21st century and the theory of revolution. Methodological explanations]. *System monitoring of global and regional risks*, vol. 12, pp. 543–567.
- Grinin L., Korotayev A. (2021b) Seven Weaknesses of the U.S., Donald Trump, and the Future of American Hegemony. *World Futures*, vol. 77, no 1, pp. 23–54.
- Grinin L., Korotayev A. (2022) Revolutions, Counterrevolutions, and Democracy. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (eds. J. A. Goldstone et al.), Cham: Springer Nature, pp. 105–136.
- Grinin L., Korotayev A. (2023) Africa — The continent of the future. Challenges and opportunities. *Reconsidering the limits to growth. A report to the Russian Association of the Club of Rome* (eds. V. Sadovnichy et al.), Cham: Springer Nature, pp. 225–238.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. (2024a) Africa: Geopolitical World-System Aspects and Opportunities for Russia. *Vek globalizatsii = Age of Globalization*, no 4, pp. 20–35. (In Russ.).
- Grinin L., Korotayev A. (2024b) Africa—The Continent of the Future. Demographic and Economic Challenges and Opportunities. *World Futures*, vol. 80, no 1, pp. 70–82.
- Grinin L., Korotayev A. (2024c) Is the Fifth Generation of Revolution Studies Still Coming? *Critical Sociology*, vol. 50, no 6, pp. 1039–1067.
- Gurr T. R. (1974) Persistence and change in political systems, 1800–1971. *The American Political Science Review*, vol. 68, no 4, pp. 1482–1504.
- Hegre H., Ellingsen T., Gates S., Gleditsch N. P. (2001) Toward a Democratic Civil Peace? Democracy, Political Change, and Civil War, 1816–1992. *The American Political Science Review*, vol. 96, no 1, pp. 33–48.
- Izhogin A. A., Korotayev A. V. (2025) Impact of the Split of Elites on the Success of Unarmed Revolutionary Episodes of the Early 21st Century. *Sociology of Power*, vol. 37, no 3, pp. 177–213.
- Issaev L., Korotayev A. (2022) Introduction. New Wave of Revolutions in the MENA Region in the Global Perspective. *New Wave of Revolutions in the MENA Region: A Comparative Perspective* (eds. L. Issaev & A. Korotayev), Springer International Publishing, pp. 1–31.
- Jones Z. M., Lupu Y. (2018) Is there more violence in the middle? Is there more violence in the middle? *American Journal of Political Science*, vol. 62, no 3, pp. 652–667.
- Kadivar M. A. (2018) Mass mobilization and the durability of new democracies. *American Sociological Review*. vol. 83, no 2, pp. 390–417.
- Kadivar M. A., Ketchley N. (2018) Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization. *Socius*, vol. 4.

- Kalin I., Lounsbury M. O., Pearson F. (2022) Major power politics and non-violent resistance movements. *Conflict Management and Peace Science*, vol. 39, no 3, pp. 241–265.
- Khayrullin T.R., Korotayev A.V. (2025) Somalia: Another Round of Tension. *Asia and Africa today*, no 3, pp. 14–21. (In Russ.).
- Kim N. K. (2017) Anti-regime Uprisings and the Emergence of Electoral Authoritarianism. *Political Research Quarterly*, vol. 70, no 1, pp. 111–126.
- Kirisci M., Demirhan E. (2021) Resource Wealth as Leverage: Natural Resources and the Failure of Non-Violent Campaigns. *Government and Opposition*, vol. 56, no 1, pp. 102–120.
- Koehler K., Albrecht H. (2021) Revolutions and the military: Endgame coups, instability, and prospects for democracy. *Armed Forces & Society*, vol. 47, no 1, pp. 148–176.
- Korotayev A. V., Askerov M.-A. I., Issaev L. M. (2025) August 2024 events in Nigeria. Failed coupvolution in the context of West African political processes. *Politeia-Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*, no 117(2), pp. 137–159. (In Russ.).
- Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. (2016) GDP per capita, protest intensity and regime type: a quantitative analysis. *Sravnitel'naya Politika-Comparative Politics*, vol. 7, no 4, pp. 72–94. (In Russ.).
- Korotayev A. V., Bobarykina D. A., Khokhlova A. A. (2021) Revolyutsionnyye sobytiya v Verkhneye Volte / Burkina-Faso (1960–2021 gg.) [Revolutionary events in Upper Volta / Burkina Faso (1960–2021)]. *Systemic monitoring of global and regional risks*, vol. 12, pp. 371–415. (In Russ.).
- Korotayev A., Fain E., Ustyuzhanin V., Grinin L. (2025) The Fifth Generation of Revolution Studies. Part III: A Systematic Review of Substantive Findings (Repression, Success, and Outcomes of Revolutions). *Critical Sociology*, vol. 51, no 4-5, pp. 569–577.
- Korotayev A. V., Grinin L. E., Issaev L. M., Bilyuga S. E., Vaskin I. A., Slinko E. V., Shishkina A. R., Meshcherina K. V. (2017) *Destabilizatsiya: globalnyye, natsionalnyye, prirodnyye faktory i mekhanizmy* [Destabilization: global, national, natural factors and mechanisms], Moscow: Uchitel (In Russ.).
- Korotayev A., Grinin L., Medvedev I., Slav M. (2022) Political Regime Types and Revolutionary Destabilization Risks in the Twenty-First Century. *Russian Sociological Review*, vol. 21, no 4, pp. 9–65. (In Russ.).
- Korotayev A., Grinin L., Ustyuzhanin V. (2024) *Database of revolutionary events of the 21st century*. Database registration certificate RU 2024622477, 05.06.2024. Application No. 2024622215 dated 31.05.2024. <https://elibrary.ru/item.asp?id=67982065>. Posted on the Internet at https://social.hse.ru/mr/rev_bd
- Korotayev A., Grinin L., Ustyuzhanin V., Fain E. (2025) Pyatoe pokolenie issledovaniy revolyucii. Sistematischeskiy obzor [The Fifth Generation of Revolution Studies. A Systematic Review.] *Logos*, vol. 35, no 1, pp. 191–316. (In Russ.).
- Korotayev A., Isaev L., Vasilev A. (2015) Quantitative Analysis of 2013–2014 Revolutionary Wave. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 8(376), pp. 119–127.
- Korotayev A., Issaev L., Ilyina A., Zinkina J., Voronina E. (2024) Revolutionary History of Niger: From Independence to 2023 Coup. *Terrorism and Political Contention. New Perspectives on North Africa and the Sahel Region* (eds. J. Besenyő et al.), Cham: Springer Nature, pp. 169–194.
- Korotayev A.V., Khayrullin T.R. (2024) Traditional Clan and Tribal Structures and Contemporary Political System of Somalia. *Vostok (Oriens)*, no 1, pp. 137–152. (In Russ.).
- Korotayev A., Khokhlova A. (2022) Revolutionary events in Mali, 2020–2021. *New Wave of Revolutions in the MENA Region: A Comparative Perspective* (eds. L. Issaev & A. Korotayev), Springer Nature, pp. 191–218.
- Korotayev A. V., Liokumovich Y. B., Khokhlova A. A. (2021) Revolyutsionnyye sobytiya v Mali (1960–2021 gg.) [Revolutionary events in Mali (1960–2021)]. *Systemic monitoring of global and regional risks*, vol. 12, pp. 329–370. (In Russ.).
- Korotayev A. V., Malkov A. S., Burova A. N. et al. (2012) Lovushka na vykhode iz lovushki. Matematicheskoye modelirovaniye sotsial'no-politicheskoy destabilizatsii v stranakh mir-sistemnoy periferii i sobytiya arabskoy vesny 2011 g. [A trap at the escape from the trap. Mathematical modeling of socio-political destabilization in the countries of the world-system periphery and the events of the Arab Spring of 2011]. *Modelirovaniye i prognozirovaniye*

- globalnogo, regionalnogo i natsionalnogo razvitiya* [Modeling and forecasting of global, regional and national development] (eds. A. Akaev et al.), Moscow: Librokom/URSS, pp. 210–276. (In Russ.)
- Korotayev A.V., Meshcherina K.V., Kulikova E.D., Delyanov V.G. (2017) Arab Spring and its Global Echo: Quantitative Analysis]. *Sravnitel'naya Politika-Comparative Politics*, vol. 8, no 4, pp. 113–126.
- Korotayev A., Shulgin S., Ustyuzhanin V., Zinkina J., Grinin L. (2023b) Modeling social self-organization and historical dynamics. *Africa's futures* (V. Sadovnichy et al. Eds.), *Reconsidering the limits to growth. A report to the Russian Association of the Club of Rome*, Springer, pp. 461–490.
- Korotayev A., Ustyuzhanin V., Grinin L., Fain E. (2025) The fifth generation of revolution studies. Part II: A systematic review of substantive findings (Revolution Causes, Forms, and Waves) *Critical Sociology*, vol. 51, no 3, pp. 429–450.
- Korotayev A. V., Ustyuzhanin V. V., Zinkina J. V., Shulgin S. G., Grinin L. E. (2022) Towards mathematical modeling of the political and demographic future of Africa. *Sistemnyi Monitoring Globalnyh i Regionalnyh Riskov = Systemic Monitoring of Global and Regional Risks*, vol. 13, pp. 271–321.
- Korotayev A., Vaskin I., Bilyuga S. (2017) Olson-Huntington Hypothesis on a Bell-Shaped Relationship Between the Level of Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Quantitative Analysis. *Russian Sociological Review*, vol. 16, no 1, pp. 9–49. (In Russ.).
- Korotayev A., Voronina E. (2024) Revolutionary and Quasi-Revolutionary Events in Somalia (1960–2023). *Terrorism and Political Contention. New Perspectives on North Africa and the Sahel Region* (eds. J. Besenyó et al.), Cham: Springer Nature, pp. 349–400.
- Korotayev A., Zhdanov A., Grinin L., Ustyuzhanin V. (2024) Revolution and Democracy in the Twenty-First Century. *Cross-Cultural Research*, vol. 59, no 2, pp. 180–215.
- Korotayev A. V., Zinkina J. V., Khokhlova A. A., Liokumovich Y. B. (2021) Revoljucionnyye i kvazi-revoljucionnyye protsessy v Nigere [Revolutionary and quasi-revolutionary processes in Niger]. *Systemic monitoring of global and regional risks*, vol. 12, pp. 416–450.
- Kostin M.S. (2020) Venesuela: revoljucionnyye sobytiya na fone prodolzhayushchey revolyucionnoy epokhi (1998–2020) [Venezuela: Revolutionary events against the backdrop of an ongoing revolutionary epoch (1998–2020)]. *System Monitoring of Global and Regional Risks*, vol. 11, pp. 878–890.
- Kudaibergenova D. T., Laruelle M. (2022) Making sense of the January 2022 protests in Kazakhstan: Failing legitimacy, culture of protests, and elite readjustments. *Post-Soviet Affairs*, vol. 38, no 6, pp. 441–459.
- Lawson G. (2019) *Anatomies of Revolution*, Cambridge University Press.
- Little A. T., Meng A. (2024) Measuring Democratic Backsliding. *PS: Political Science & Politics*, vol. 57, no 2, pp. 149–161.
- McCarthy J., Titarenko L., McPhail C., Rafail P., Augustyn B. (2008) Assessing Stability in the Patterns of Selection Bias in Newspaper Coverage of Protest During the Transition from Communism in Belarus. *Mobilization: An International Quarterly*, vol. 13, no 2, pp. 127–146.
- McMann K., Pemstein D., Seim B., Teorell J., Lindberg S. (2022) Assessing Data Quality: An Approach and An Application. *Political Analysis*, vol. 30, no 3, pp. 426–449.
- Mustasilta K., Svensson I. (2023) Divided We Fall: Ethnic Cleavages, Movement Cohesion, and the Risk of Escalation to Civil War in Non-Violent Uprisings. *Civil Wars*, vol. 25, no 1, pp. 103–136.
- Muller E. N., Weede E. (1990) Cross-national variation in political violence: A rational action approach. *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 34, no 4, pp. 624–651.
- Pischedda C. (2020) Ethnic Conflict and the Limits of Nonviolent Resistance. *Security Studies*, vol. 29, no 2, pp. 362–391.
- Regan P. M., Bell S. R. (2010) Changing lanes or stuck in the middle: Why are anocracies more prone to civil wars? *Political Research Quarterly*, vol. 65, no 4, pp. 747–759.
- Reid B. (2001) The Philippine democratic uprising and the contradictions of neoliberalism: Edsa II. *Third World Quarterly*, vol. 22, no 5, pp. 777–793.
- Rozov N., Pustovoyt Y., Filippov S., Tsygankov V. (2019) *Revoljucionnyye volny v ritmah global'noj modernizacii* [Revolutionary Waves in the Rhythms of Global Modernization], Moscow: Krasand/URSS. (In Russ.).

- Schulz E. (2016) *Teorija revoljucii: revoljucii i sovremennye civilizacii* [Theory of Revolution: Revolutions and Modern Civilizations], Moscow: Lenand/USSR. (In Russ.).
- Selbin E. (2001) Same as it ever was: The future of revolution at the end of the century. *Revolution: International Dimensions* (ed. M. Katz), SAGE Publications, pp. 284-297.
- Sharp G. (1973) *The Methods of Nonviolent Action*, Independently published.
- Shishkina A. R., Fain E. D. (2022) «Pohishchennye revoljucii»: Fenomen kuvolyucij v Afrike yuzhnee Sahary [«Stolen revolutions»: phenomenon of coupvolutions in Sub-Saharan Africa]. *Neprikosnovennyj Zapas [Sacred Reserve]*, vol. 145, no 5, pp. 134-147.
- Skocpol T. (1979) *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*, Cambridge University Press.
- Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A. (2017) Regime Type and Political Destabilization in Cross-National Perspective: A Re-Analysis. *Cross-Cultural Research*, vol. 51, no 1, pp. 26-50.
- Snyder R. S. (1999) The End of Revolution? *The Review of Politics*, vol. 61, no 1, pp. 5-28.
- The Economist (2018) Armenia's revolution continues, as its opposition leader nears power. Available at: <https://www.economist.com/europe/2018/05/03/armenias-revolution-continues-as-its-opposition-leader-nears-power>
- Urdal H. (2006) A clash of generations? Youth bulges and political violence. *International Studies Quarterly*, vol. 50, no 3, pp. 607-629.
- Ustyuzhanin, V., Grinin, L., Medvedev, I., Korotayev, A. (2022) Education and Revolutions. Why do some revolutions take up arms while others do not? *Politeia-Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*, no 104(1), pp. 50-71. (In Russ.).
- Ustyuzhanin V., Korotayev A. (2023) Revolutions and Democracy. Can Democracies Prevent Revolutionary Armed Violence? *Comparative Sociology*, vol. 22, no 1, pp. 95-137.
- Ustyuzhanin V., Stepanishcheva Y., Gallyamova A., Grinin L., Korotayev A. (2023) Education and Revolutionary Destabilization Risks: A Quantitative Analysis. *Russian Sociological Review*, vol. 22, no 1, pp. 98-128 (In Russ.).
- Wall Street Journal (2001) Estrada: A Tarnished Legacy. Available at: <https://www.wsj.com/articles/SB980104460815218842>.
- Weidmann N. B. (2016) A Closer Look at Reporting Bias in Conflict Event Data. *American Journal of Political Science*, vol. 60, no 1, pp. 206-218.
- Weidmann N. B. (2024) Recent Events and the Coding of Cross-National Indicators. *Comparative Political Studies*, vol. 57, no 6, pp. 921-937.